

ОЛЬГА ПОГОДИНА

ОСТРОВ БЕРИНГА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Ольга Владимировна Погодина
Остров Беринга
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747545
Остров Беринга / Ольга Погодина: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8256-4

Аннотация

Издавна русские люди стремились на восток, «встречь Солнцу», открывая новые земли и знакомясь с прежде неизвестными им людьми...

Повесть «Остров Беринга» рассказывает о знаменитой экспедиции Витуса Беринга и основана на дневниках одного из членов команды.

Второе произведение, включенное в эту книгу, «Золотой фазан», повествует о первом путешествии знаменитого Николая Михайловича Пржевальского, которого издавна привлекал таинственный и загадочный Дальний Восток Российской империи.

Содержание

Остров Беринга	5
Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	38
Глава 3	56
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

**Ольга Погодина
Остров Беринга**

Знак информационной продукции 12+

© Погодина О.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Остров Беринга

Пролог

Санкт-Петербург, 3 февраля 1733 года

– Гляди-тка, Алешка! Едут!

Мальчик поглубже вдавил шапку в уши, ежась на промозгом ветру. Толпа вдоль дороги заволновалась, наплыла на окружавшие Большую перспективу¹ ржавые сугробы. Кто-то, покачнувшись, чуть не упал под копыта. Лошадь взвилась на дыбы. Всадник, – угрюмый офицер в васильковой, под цвет мундира, епанче, – в досаде огрел неудачника нагайкой.

– Шпанберг, – сказал Алешка – рослый гардемарин, одетый в новенький зеленый кафтан и башмаки со штиблетами. Двое его спутников помладше, кадеты, вытянули шеи, разглядывая сердитого капитана.

– Вона как ежечат! – протянул самый младший – тот, что кричал.

– Немчуря, – скривился второй, лет четырнадцати на вид. – У нас их нынче везде полно. Что ни чин – все гость

¹ Большая перспектива – старое название Невского проспекта.

заморский. Нешто оные иноземцы и впрямь умом превыше?

Говорил он важно, басовито, явно повторяя чужие слова.

– И у нас в Академии им чести много, – подхватил Алешка. – Иные и впрямь горазды поболее к рукам прибрать! Но по делу морскому им перед русскими фора выходит. Морей-то у нас нету почти...

– Вот так они вас, в Академии, зад лизать и обучают!

Алешка насупился, стиснул кулаки:

– Ты, Федька, еще баять посмей! Не погляжу, что Еропкин – в ухо двину!

– Мой тятенька в полку Преображенском обер-офицер, не забыл? – набычился Федор, но уже без прежнего запалу.

– Ты посмотри, Федька, обозам конца нет, – мальчик украдкой загибал пальцы, считая. – Тут не меньше ста подвод будет!

– Да уж поди, им до самого Тобола дорогу канифасом² выстлали! – фыркнул Федор, покосившись все же на Алешку.

– В Академии говорили, что с экспедицией не токмо людей служилых, а профессоров и академиков с самого Парижу послали!

– Эхма, а что это на санях повезли? Котел што ли такой огромный?

– Балда ты, Петька! Астролябия это! У нас в навигацком классе такая вот дура медная была. А вон та железяка на ней – это паук! – с гордостью выпалил Алешка.

² Канифас (*стар.*) – плотная льняная или хлопчатобумажная ткань в полоску.

– А зачем эта дура?

– Счисление делать и плавать по морям. Без счисления в море пропадешь!

– И к чему им в Сибири счисление делать? Там же снег один!

– А вон, смотри, что за санки разукрашенные? Курам на смех какое фанфаронство!

– Да это ж бабы! Ей-богу! Бабы едут!

– И с детьми!

– Малые совсем! Годочка три вон тому, без шапки, а девчушка и вовсе крохотная!

– Эта, в соболях и красном платке – я ее знаю! – обрадовался Алешка, тыча пальцем. – Сама Берингша это. Жена Беринга, капитан-командора!

– А другие? – Федор цыкнул зубом на проезжавшие мимо сани. – Вон та, с мальчишкою белобрысым, уж больно худа и мала. А чернявенькая-то хороша! Чудо как хороша!

– Эту не трожь! – насупился Алешка. – Это Татьяна Федоровна, лейтенанта Василия Прончищева жена. Любовь у них страсть какая! Видал я ее летом в Тарусе, с дядькой в гостях в Прончищевых бывали!

– Ты что, Алешка, амуры развел?

Алешка смутился, покраснел, и его спутники прыснули.

– И третью знаю, она там тоже была, – торопливо, чтобы скрыть смущение, сказал Алешка. – Ее Ульяной звать, она во-он того здорового шведа, лейтенанта Вакселя жена!

– Чтой-то Вакселишка этот себе такую невзрачную нашел? – съехидничал Федор, – Сам-то – косая сажень, росту богатырского! А на такую пигалицу польстился!

– Кто его разберет, Вакселя-то. Они, знаешь, не наша порода. Себе на уме все!

– А мальчишка-то смотри какой ерошка!³ – засмеялся Петька, глядя, как тот вертится в санях.

– Да хилый больно. Вон у командорши какой толстенный! А этот? Нет, не жилец. Сгинет!

Помолчали.

– Ты мне, Федька, вот что скажи, – задумчиво произнес Алешка, провожая взглядом санки. – У нас в Сибирь клейменных каторжан ссылают, а эти немчуры, получается, сами едут. Ежели они все такие проныры, как твой тятенька Родион Григорьевич говорит, что ж им там за золотые горы?

* * *

– Опахнись, Лавруша! Простынешь. – Ульяна в пятый раз натянула овчинную шапку сыну на уши. Непослушный постреленок, в отличие от упитанного степенного Антона Беринга, вертелся в санях, как уж, и шапку сбрасывал.

– Не хочу. Жарко! – выпалил мальчик, и снова сбросил шапку, с любопытством высовываясь из саней. Ульяна уста-

³ Ерошка – непоседа, егоза (*стар.*).

ло и извиняюще улыбнулась Анне-Кристине Беринг, чьи дети, – трехлетний Антон и двухлетняя Аннушка, – с истинно немецким послушанием чинно сидели рядом с матерью, закутанные в пуховые шали.

Анна-Кристина лишь подняла бровь, и Ульяне почудилось, что вся она жалка и растрепана перед этой величавой дамой, чьих детей крестил сам князь Долгорукой, а в дом заживляли важные заморские гости.

Говорила Анна с сильным немецким акцентом, а на санях сзади, – подумать только! – ехали за ней в Сибирь прислуги человек пять, да целый воз скарба. Говаривали, что и сервиз фарфоровый везут. И клавикорды!

– А ну, Лорка, сядь смирно! – Татьяна Прончищева, уловив неловкость подруги, подхватила малыша и, усадив его себе на колени, принялась что-то ему на ушко нашептывать.

Она всегда звала его этим смешным и странным прозвищем.

«Лаврушка – это дерево заморское такое, да разве ж ты у нас дерево? А Лоренц вовсе не по-нашему. Вот я посередке и придумала. Будешь Лорка?!»

«Буду!» – хохоча, отвечал малыш...

– Вот и славно. Ты, Ульяна, токмо не бойся так. – Татьяна была моложе, но считала своим долгом оберегать менее решительную, застенчивую спутницу. – И Лорке полегчает.

– Далеко-то как едем... – еле слышно выдохнула Ульяна. – Страшно...

– Такой наш долг, – чопорно произнесла Анна по-русски, вздернув пухлый подбородок. – Жена да последует за мужем.

Ульяна опустила глаза. Анна-Кристина ей не нравилась. Не нравилась ее властная уверенность в себе, не нравилась сводящая с ума чопорность. Все они, эти иностранцы, во множестве приехавшие в Россию, были другими. Даже Свен, ее муж.

Свен... С ним все было не так, как бы ей хотелось. Эта холодноватая сдержанность, эта отстраненность. Иногда ей казалось – лучше б накричал, лучше б напился пьяным, чем так:

– Надлежит мне сопровождать командора Беринга в Камчацкую землю. Вы поедете со мной?»

Ульяна осмелилась лишь спросить:

– Далеко ли?

– Весьма, – коротко ответил Свен. И он уже был не с ней, он был где-то далеко-далеко, наклонив белокурую голову над разложенной по столу ландскартой.

– А как же... как Лавруша? – Она тогда еще даже не закончила кормить сына грудью – несмотря на маленький рост и хрупкое телосложение, молока у молодой матери было хоть отбавляй, и кормила она сына сама, не доверив никаким деревенским мамкам.

– Лоренц? – Муж недоуменно посмотрел на нее. – Вы хотите оставить Лоренца здесь?

У него была такая привычка – не отвечая, задавать ров-

ным тоном невозможный вопрос.

– Господь с вами! – возмущенно вскинулась Ульяна.

– Так надобно сборы вам сейчас учинять. – И он снова погрузился в карту.

Вот и весь разговор.

Лаврентий тем временем занялся тем, что начал дергать Антона за ногу. Тот вышел из своего чинного состояния и принялся отчаянно брыкаться, а затем басовито заревел.

Анна-Кристина, скрестив руки, молча наблюдала за сыном, пока он не замолк, судорожно всхлипывая.

– Не можно детей баловать! – Она и не повернулась к Ульяне, но та знала, что укор адресован ей. Хоть Лавруша всегда был таким, с самого рождения – любопытный и верткий, как белка, мальчик, едва научившись ходить, умудрялся везде пролезть, все перевероршить и разбросать. Одно слово – ерошка!

Отстав от Антона, он решительно двинулся к Анне-Кристине и, невзирая на самый надменный ее вид, бесстрашно дернул за длинную бахрому красного платка.

– Лоренц! – Анна-Кристина сказала это точно тем тоном, каким с ним говорил отец. Но мальчик не отстал. Улыбаясь во весь рот, он продолжал исследовать бахрому.

– Лавруша! – Ульяна торопливо отцепляла его пальчики от платка командорши.

«Пресвятая Богородица, только б не нажаловалась! А ведь выехали едва!»

– Мне не стоило ехать здесь, – по слегка дрожащим ноздрям Ульяна поняла, что Анна в бешенстве. – Вы не склонны с детьми обхождение иметь!

– Нет, это вы не склонны с детьми обхождение иметь! – гневно выпалила Таня Прончищева, умело отвлекая внимание Лаврентия и снова сажая мальчика на колени.

Прежде чем оторопевшая командорша сумела что-либо сказать, из толпы напротив неожиданно вынырнули мальчишки. Один постарше, другой помладше, лет десяти – двенадцати. Тулупчики нараспашку, шапки набекрень, – они наперегонки помчались за санями, оставив далеко позади проваливавшегося в рыхлый снег и пытавшегося их удержать мужчину.

Лицо Анны-Кристины окаменело.

– Матушка! – Старший догнал сани, запрыгнул на полозья, изрядно их накренив. – Мама!

– Йонас!

– Сбегли мы от дядьки! С тобою в Сибирь хотим! И с тятенькой!

– Йонас! – Второй мальчик догнал сани и повис на задке. – Томас!

– А коли в санки не возьмешь, пешком пойдем! Пошто дядька нас запер?! – выпалил, задыхаясь, второй.

– Велела – домой! – Анна-Кристина, приподнявшись в санях, хлестко ударила сына по руке, державшейся за бортик саней. Потеряв равновесие, мальчик кубарем покатился

в снег.

– Мама! – Томас прятался за головы женщин. – Мамочка!

– Домой, Томас!

Под суровым взглядом матери мальчик отпустил руки сам. Спрыгнул с полозьев и остался стоять на дороге, – несчастный, потерянный. Брат, размахивая руками, догнал его, обнял.

Анна-Кристина сидела молча и прямо, словно на приеме у императрицы. Ее лицо слегка подергивалось под слоем пудры. Ульяна, замерев, в ужасе смотрела на нее. Из глаз Анны-Кристины на красный платок упала сначала одна, потом вторая крупная, тяжелая слеза, – пока они не полились градом по неподвижному лицу. Татьяна, – добрая душа, – потянулась было обнять командоршу.

– Не смей! – придушенным голосом вскинула руку Анна-Кристина. – Не смей иметь ко мне жалости! За мальчиками хорошо смотреть. Этих жалеите! – Она обняла обеими руками Антона и Аннушку. – Этих! – Рука в перчатке ткнула в Лоренца. – В Сибирь! Как воры, – на каторгу! За что?

Плечи ее затряслись.

– Это наша земля. – Брови Татьяны Прончищевой сошлись на переносице, красивое лицо стало суровым. – Далекая, дикая, – но наша. Нам ее обживать должно. Нам, и им! – А как иначе? Так ведь, Лорка?!

Глава 1

Юдомский крест

1 апреля 1738 года, Охотск

– Весна называется, – проворчал капитан Алексей Чириков, поплотнее кутаясь в выдавшую виды епанчу. – Дома-то, поди, уже снег сошел. Солнышком землю пригрело, теплой землей пахнет...

– Да. Студено, – коротко отозвался старший лейтенант Ваксель, не поворачивая головы к попутчику. – Однако ж оно и к лучшему.

– К лучшему?!

– Куда как обидней было б снова впустую на берегу сидеть.

– Может, ты и прав, Ксаверий Лаврентьевич, – вздохнул Чириков.

Чем больше он узнавал Вакселя, тем больше менял свое мнение о «шведишке». В начале огромного пути Чириков Вакселя недолюбливал: все же швед, а после Северной войны моряку к бывшим врагам приязнь иметь трудно. Да и уж больно тот был сух и высокомерен. Шутка ли, – в любую погоду, в любом месте носил мундир, завитые букли и шляпу, с нижними чинами (да и с вышними, впрочем) якшался лишь по делам служебным, и выглядел, шельмец, всегда так, слов-

но перенесся напрямиком из Санкт-Петербурга.

Экспедиция, растянувшаяся на долгие годы, вмещала людей всяких. Вместе с Берингом ехали на бесконечных подводах свежеиспеченные офицеры, вчерашние мальчишки, и бывалые, знававшие лютые сибирские зимы казаки. Ехали служивые – кузнецы, плотники, конюхи, лесорубы. От Тобольска приняли до полутора тысяч ссыльных – угрюмых, страшных. И, говаривали, когда от Усть-Кута ссыльные убежать стали, Ваксель распорядился через каждые двадцать верст ставить виселицы, «чтоб неповадно было».

Однако своими глазами Чирикову другое увидеть довелось. Путь от Якутска до Охотска морем оказался заказан – так и не смогли отряды, посланные вниз по Лене, морского сообщения разведать. Погибли многие. Погибли, истощенные скорбутом⁴ в устье Хатанги Василий и Таня Прончищевы, так и не сумев пройти морским путем от Лены к Енисею. А потому Беринг принял решение продолжить путь сушей. И еще два бесконечных года лейтенант Ваксель руководил переброской грузов из Якутска в Охотск.

«Ежели Господь и хотел наказать нас за грехи наши тяжкие, то и наказал нас здесь. Юдомским крестом!» – однажды Чириков услышал эту в сердцах брошенную кем-то из казаков фразу, и она занозой засела в груди. Все снаряжение двух экспедиций – людей, лошадей, провиант, такелаж будущих судов – надо было перебросить из Якутска в Юдомский

⁴ Скорбутная болезнь, скорбут – цинга (*стар.*).

Крест, – небольшое селение в двадцати немецких милях от Якутска, на реке Юдоме, а оттуда – в Охотск, выбранный Берингом гаванью для постройки судов.

Отряд капитана Мартына Шпанберга вышел в Охотск за годя, чтобы построить суда для путешествия в Японию и заложить корабли для Американской экспедиции. Вестовые привозили оттуда все более и более раздраженные требования: не хватает людей, инструмента, провианта, якорей, канатов... Единственный проходимый путь – санный, по льду замерзших рек: прорубать в дикой тайге просеки было делом безнадежным. Для лошадей, на которых первоначально решили перевозить груз, в Юдомском Кресте не оказалось должных запасов корма. Беринг застрял в Якутске, разбираясь с очередным доносом.

На Вакселя сыпались упреки, распоряжения одно несуразней другого: поворачивать назад в Якутск, послать отряд для разведки судоходного пути к берегам Охотского моря... Сам Чириков считал, что надо до последнего дня использовать открытую воду, чтобы – хоть на тунгусских каяках! – сплавиться в Охотск. Но Ваксель вместо того тратил драгоценное время и занимался делом вовсе глупым – через каждые две версты ставил по берегу Юдомы верстовые избы, словно бы из множества дел его более всего заботили удобства вестовых Шпанберга.

Чирикову тогда казалось, что это конец. Что придется возвращаться, так и не выполнив миссии, ради которой вся эта

огромная масса людей оказалась здесь. Он крепко повздорил с Вакселем, наговорил черт знает чего. Огромный швед не спорил, – молчал, тяжело глядя льдистыми глазами.

Снег, как и предсказывал Чириков, лег рано и крепко. И вот поползли по Юдоме, точно огромные заснеженные улитки, запряженные в сани люди. Только тогда до Чирикова дошел запоздало смысл постройки этих «тепушек», где охмелевшие от мороза и тяжелой работы люди получали чарку и краюху хлеба, чтобы одолеть следующий перегон.

Тридцать три тысячи пудов груза переправил Ваксель в Юдомский крест в ту зиму. Какой ценой – говорить не приходилось, достаточно было взглянуть на ряды крестов за околицей Юдомского острога. Но страшно было бы даже представить, как можно было бы решить иначе...

Чириков приехал на Юдому уже следом. Однако не довелось и трех дней отдохнуть: от Беринга пришел приказ немедленно ехать вместе с Вакселем в Охотск, где «нашему делу зело препоны чинят».

Зимой пробираться по нехоженной тайге – наверняка пропасть. Единственным средством передвижения оставались реки. Ехали в санях по льду небольшой речки Урак. Ваксель был по обыкновению молчалив и выглядел донельзя измотанным, так что все разговоры сходили на нет. На недолгих привалах в густых зимних сумерках ложились сразу и спали мертвым сном, не боясь ни волков, ни медведей.

Охотск встретил гостей вьюгой. Когда в 1735 году Шпан-

берг впервые посетил эти места, здесь, судя по его донесениям, не было никаких построек, за исключением юрт ламутов – местных тунгусов, прикочевывавших к устью реки Охоты на лов рыбы и водорослей. Сейчас на заснеженном берегу виднелась россыпь изб, казармы, амбары, – стараниями людей Шпанберга и Охотской канцелярии местность обживалась. На пристани виднелись заиндевевшие мачты будущих кораблей экспедиции.

Шпанберг встретил Вакселя и Чирикова неласково, углядев в приказе Беринга какую-то для себя неприятность. Хотя, конечно, гостеприимством не пренебрег – отвел гостям свежую просторную избу, дал денщиков вычистить одежду и утварь, а вечером наведался в гости.

– Так что же, Мартын Петрович, за оказия у тебя случилась? – дождавшись наконец окончания ни к чему не обязывающих бесед, спросил Чириков.

Шпанберг угрюмо глянул на капитана из-под белесых бровей. Был он худ и высок почти так же, как Ваксель, однако отличался какой-то неприятной, нервной повадкой, в любой момент готовой перейти в ярость. Друзей за все время экспедиции не заводил, и явно в них не нуждался, предпочитая обществу людей своих собак, которых любил, специально натаскивал и везде с ними появлялся. Псы у него были злые, однако, как и сам Шпанберг, «к делу зело пригодные».

– Значит, послал-таки донос, Nisse⁵, – прошипел на это

⁵ Nisse (нем.) – гнида.

Шпанберг, сощуриив глаза. – Местными подлыми людишками Шкворнем зовется не зря, ай, не зря!

– О ком это ты, Мартын Петрович? – спросил Ваксель.

– О нынешнем начальнике Охотского порта, Скорнякове-Писареве, – ответил Чириков. Поскольку последний год Ваксель был занят на переброске грузов, Чириков куда лучше был осведомлен об интригах, закруживших вокруг экспедиции. Нет, не ради прихоти послал их сюда Беринг среди зимы. Достаточно было одного взгляда на белое от ярости лицо Шпанберга, чтобы понять, что без вмешательства людей беспристрастных тут не обойтись

Шкворень был человек непростой, Чириков слышал о нем еще в бытность свою в Петербурге. Когда-то звался он директором Морской академии, генерал-прокурором Григорием Григорьевичем Скорняковым-Писаревым, знал лично государя Петра и был им послан в учебу. Однако после смерти государя фортуна, как это бывает, отвернулась от него: за участие в заговоре против «светлейшего» Меншикова был он бит кнутом, лишен чинов и наград и сослан в Сибирь. После же смерти оного как «человек полезный» был восстановлен в должности и назначен Начальником Охотского порта.

Казалось бы, такой человек должен быть рад тому, что именно Охотск выбран форпостом дела столь величественного и гигантского. Было к чему приложить силы – стремительно растущий порт нуждался буквально во всем, а более всего – в грамотном руководстве. А там, глядишь, и бывшие

грехи простятся новыми заслугами...

– Каналья! Сукин сын! – бушевал тем временем Шпанберг. – Указ Сената ему не указ! Месяцами ржавого гвоздя выдавать не соизволит! Знали б вы, каких трудов мне стоило, чтобы корабли-то те, что в порту стоят, выстроить! И ведь в том году еще со стапелей спустили! Вышел бы в Японскую экспедицию еще в июле, Христом Богом клянусь! Но от вас груза нет, от Шкворня – снега зимой не выпросишь! Вот и пришлось обратно днища сушить! А людей кормить – чем? Голодаем, видит Бог, писал капитан-командору, – голодаем! А тут еще сволочь эта красномордая доносы на меня в самый Петербург пишет, будто б я имущество казенное разворовал и шкурами торгую! Да я его... А сам, прости Господи, днями целыми гульбу устраивает с девками да вином, а пьяным делом блажит несусветно! Меня клялся в карцер засадить, да корабли мои пожечь!

– Остынь, Мартын Петрович, – урезонивал его Чириков. – О делах в Охотске капитан-командор уже в Петербург отписал. Найдут на него управу!

– Уж мне ли не знать, сколь скользок сей угорь! – не унился Шпанберг. – Не впервой в здешних-то местах хаживаю! Уж отстраняли каналья! Уж отсылали! А вон вернулся и пуще прежнего шалит! Нечем заняться! Доносить на меня вздумал! Убью Hurensohn!⁶

Шпанберг расходился все круче, из углов рта полетела

⁶ Hurensohn (нем.) – сукин сын.

слюна.

– На этот раз дело верное, – тихо сказал Чириков. – С вестовым капитан-командор велел передать, что указом императрицы нашей отстранили его уже. Однако ж приказ в Сенате застрял, замену ищут.

Шпанберг резко замолчал, потом расплылся в неприятной улыбке.

– Значит, вот как...

– Вот так, – с нажимом произнес Чириков. – А потому, Мартын Петрович, надо нам наше дело делать.

– На поклон не пойду, – с вызовом бросил Шпанберг. – Хоть сам Беринг пушай приказывает. Не согну шеи перед поганой вшой!

Чириков вздохнул.

– Что ж, придется нам, Ксаверий Лаврентьевич.

* * *

– Кто посмел ко мне на глаза эту погань впустить! – слышалось со входа.

Дом Скорнякова-Писарева посрамил бы и иные особняки в Петербурге: о двух этажах, да с подъездной аллеей для экипажей. Однако рядом с кособокими избами и разбитой колеей смотрелся он не величественно, а как-то по-варварски дико. Внутри дом был столь же странной смесью роскоши и дикости – медвежьи и волчьи шкуры на полу соседствовали

с дорогими китайскими вазами и стенами, затянутыми узорчатым шелком. Хозяина они нашли в кабинете, отнюдь не расположенного к приему.

Следом за Вакселем и Чириковым ввалился лакей в лифрее с золотым позументом и с рассеченной губой:

– Не вели казнить, Григорий Григорьевич, батюшка! Сами оне вперлись, супостаты!

– Доброго утречка! – звучно поздоровался Чириков, одетый, как на парад. – Людшки твои непонятливы очень, так что пришлось вразумить, уж извини, Григорий Григорьевич! А дело у нас казенное. Капитаном-командором Берингом посланы спросить с тебя все то, что ты властью своей к экспедиции Камчатской и Японской выдать должен.

Скорняков-Писарев, – грузный, растрепанный, – в залистом вином халате сидел в бархатном кресле. На коленях его восседала крестьянская девка с круглым веснушчатым лицом и растрепанном косой в платье, достойном княгини. Она тоже была пьяна.

– Это что за мразь мне «тыкать» смеет? Да я тебя... – Скорняков-Писарев скинул девицу с колен и потянулся к пистолету. – Я – бомбардир Преображенского полку, самого Петра Алексеича брат и соратник! Слыхал ли, сопляк! Вон, не то стрелять буду!

– Стреляй! – Чириков стоял, расставив ноги, в упор глядя на ополоумевшего хозяина. – После сам застрелишься!

В мутных глазах Скорнякова-Писарева что-то промельк-

нуло, но пьяный кураж пересилил, и палец лег на курок.

– Это мы еще поглядим! – прохрипел он. И выстрелил.

В то же мгновение Ваксель сделал быстрый шаг вперед и рубанул ладонью по стволу пистолета. Пуля прошла пол рядом с обеспамятевшей девицей. Ваксель схватил стоявшую на столе корчагу с квасом и одним махом вылил ее на голову хозяину. Квас оказался с мороза. Какое-то время Скорняков-Писарев мог только моргать, разевая рот, как выброшенная на берег рыба.

– Уж не обессудь, Григорий Григорьевич, – ласково сказал Чириков. – С волками жить – по волчьи выть!

Губы Скорнякова-Писарева затряслись:

– Сволочи вы, сволочи, – вдруг жалко заскулил он. – Старика опального позорите! Вломились в дом, как тати! Защищаться вынудили! Буду писать на вас в Сенат! На всю вашу иноземную банду!

– Уверен, что в Сенате ваши художества оценят достойно, – проронил Ваксель. – А покамест извольте наше нижайшее прошение на выдачу всего необходимого подписать.

С этими словами он вытащил из-за обшлага камзола и выложил перед Скорняковым-Писаревым лист бумаги. Услужливо пододвинул чернильницу. Чириков тем временем поднял с пола девицу и вручил ее остолбеневшему от ужаса лакею:

– Ступай-ка лучше барышню в чувство приведи. – И вытолкал взашей.

– Ну-с, Григорий Григорьевич. – Чириков подошел с другого края стола, ненароком положил руку на пистолет. – Выстрел-то твой весь Охотск слышал. Люди наши мной предупреждены, куда мы и зачем направились. Командор дал мне приказ добыть от тебя все необходимое для экспедиции любой ценой. Да еще передать велел с глаза на глаз, и приватно: мол, Указ государыни о твоём, Григорий Григорьевич, отстранении, уже подписан.

– Как? – ахнул Скорняков-Писарев. – Быть не может! Лжешь, сволочь!

Пистолет Вакселя немедля нацелился ему в лоб. Скорняков-Писарев раскрыл было рот что-то еще сказать, но, покосясь на шведа, передумал.

– Ты уж проверь, Григорий Григорьевич, – криво усмехнулся Чириков. – А пока суд да дело, искомое будь любезен выдать.

– А ежели не выдам? – набычился Скорняков-Писарев. – А ежели в холодную? И не таких там ломали!

Было видно, как он лихорадочно соображает, – не крикнуть ли своим холопам.

– Случись что, команда капитана Шпанберга разнесет за нас весь Охотск, – тихо сказал Чириков. – А у тебя, Григорий Григорьевич, заступников-то, судя по всему, не осталось. Ссылкой не отделаешься – виселица раем встанет! Довольно дурить! Так как?

– Обложили, супостаты! Обложили! – хмель, однако, со

Скорнякова-Писарева от ледяного душа слетел окончательно, и он наконец осознал все происходящее ясно.

– А ну и черт с вами, шельмы! – Он размашисто подписал бумагу. – Я еще об вас напишу! По заслугам получите!

– Дай-то бог, чтобы все мы получили по заслугам! – заботливо присыпая песочком бумагу, сказал Ваксель.

* * *

7 апреля 1738 года, Юдома, 20 немецких миль от Охотска

– Доколе, Господи? Доколе? – Лорка слышал, как мать, стоя перед образами на коленях в углу грязной избы, в забытьи повторяет горькие слова. Перед глазами все плыло, стены избы, казалось, качаются перед глазами. Горло горело огнем, и Лорка тщетно пытался вспомнить, какой нынче день. В воздухе разливался запах ладана – значит, мать зажгла лампадку. А ведь она берегла как зеницу ока припасенный с Якутска запас.

Лорка выпростал из-под одеяла тонкую белую руку с синими веточками вен.

– Мама...

– Слава тебе, Пресвятая Богородица! – мать метнулась к лавке, потрогала лоб, и Лорка увидел, что щеки ее мокры от слез. – Токмо одними молитвами...

Лорке показалась, что она еще больше похудела. Серые

глаза под белым платом стали вовсе огромными, словно на ликах святых.

– Мама, – язык во рту ворочался с огромным трудом. – Попить дай...

– Сейчас, сейчас... – мать приложила к его губам глиняную чашку с брусничным морсом. – Вот так лучше. Теперь отдыхай, сынок. Лихорадка твоя на убыль пошла. Даст бог, теперь на поправку пойдешь. А я уж боялась...

С тех пор как мать одну за другой потеряла в Якутске двух новорожденных дочерей, в ее взгляде, обращенном на Лорку, навсегда поселилась тревога. Тем более что еще в Иркутске маленький Лорка подхватил огневицу и с тех пор так не отошел до конца – нет-нет, да начинал сызнова кашлять.

Первые воспоминания детства у Лорки были связаны с дорогой: вот они едут на тряских санях, пар от дыхания оседает на отворотах, гремят бубенцы, и мать все беспокоится, подкладывая под Лоркины мерзнущие ноги остывающий кирпич... И ожидание, да, бесконечное ожидание. Вот доберемся до Якутска, и... Вот вернутся посланные командором на Лену и Енисей отряды... Вот вернется из Жиганска застрявший там не ко времени обоз... Но новости приходили чаще печальные, да и отправке в путь вечно что-то мешало.

Переезд из Иркутска в Якутск Лорка уже помнил хорошо. Помнил, как лошади пали, и в сани впрягали собак, а сами шли рядом по трескучему морозу. Помнил, как мать, плача, резала в котелок мороженое собачье мясо, и они потом, му-

чась голодными резами в животе, хлебали эту жуткую бурду. Помнил, как часто случались похороны, как мертвых едва забрасывали снегом и песцы собирались под кособоким крестом, едва от него отъезжали последние сани. Помнил страшную ночь, когда принесли известие о смерти «тети Тани» и как, – единственный раз на его памяти, – заплакал о своем погибшем друге отец.

Много видел Лорка такого, чего и взрослому не перенести. И ведь, несмотря ни на что, – выжил, выстоял!

Но путь сюда, на Юдому, оказался Лорке не по силам.

Еле живым привезли его в санях на зимовье и долгими зимними месяцами мать выхаживала его, поя с ложечки горным медом, натирая барсучьим жиром худую, с острыми, как кремь, ключицами спину.

– День-то какой нынче? – Лорка глянул в затянутое инеем окошко.

– Благовест, – отозвалась мать и снова заплакала. – Радость-то какая! Я уж отца Иллариона предупредила, чтоб после службы зашел, – соборовать тебя собрались. Совсем, думала, потеряю...

– Ну вот еще! – Горло драло, слабость ощущалась ужасная, но пелена перед глазами спала, в голове прояснилось, и Лорка с изумлением понял, что хочет есть.

Мать налила ему пахучего мясного бульона.

– Так пост же!

– Пей! – Ее брови сошлись на переносице. – Болящим и

чадам...

– Я не чадо! – обиделся Лорка. – Мне десятый год уже!

– Пей, кому говорят. – Но мать заулыбалась, обрадованная его вновь проснувшимся задором.

От теплого питья горлу малость полегчало.

– Отец-то...здесь? – решился спросить Лорка.

В глазах матери снова набухли слезы, скорбная складка залегла у губ:

– Под Масленицу от капитан-командора бумага пришла. Поехал с капитаном Чириковым в Охотск. Двадцать немецких миль. И тоже... по льду токмо.

Она резко отвернулась, отошла к столу. Взяла было шитье, уколола палец, ойкнула. Руки ее тряслись.

– Не плачьте, мама, – привычно сказал Лорка. – Вернется, весна придет. Лед тает – на лодках до Охотска враз пройдем. Почти добрались уже.

– Когда же это кончится? – почти простонала мать. – Сил моих больше нет! Нет!

Лорка хотел было встать, обнять ее, как делал это всегда. Он уже привык считать себя материным заступником, – слишком много дней и ночей они провели вот так, вдвоем, в бесконечном ожидании. На появление отца всегда надеялись, но никогда не ждали – слишком много было этих обманутых ожиданий, слишком много разлук... Даже когда подолгу жили на одном месте, на Иркуте или, скажем, в Якутске, отец все равно был в разъездах: то уедет встречать но-

вую партию железа, то пошлет его капитан-командор с каким-нибудь секретным поручением... Лорка берег в памяти каждый момент его редких появлений. В его последнее появление летом в Якутске целых две седмицы он был дома с женой и Лоркой, никто его не вызывал, не тревожил. Мать расцвела, начала улыбаться. Долгими вечерами Лорка читал отцу, складывал с ним бумажных птичек и пускал их с косогора, вместе ездил по всему Якутску, даже поднимался с ним на борт...

Оказалось, капитан-командор дал своему верному соратнику отпуск перед тем, как снова послать его на Юдому. Услышав об этом, мать заплакала навзрыд. Ожидание было невыносимым. Видя, как она тает на глазах, Лорка начал заговаривать о том, что путь на Юдому вовсе не так плох, что мужики проходят его пешими, с грузом, а уж на санях-то...

И мать сдалась. Они выехали на Масленичной неделе в сопровождении двух сменных ямщиков, ранним зимним вечером, когда Анна-Кристина Беринг распорядилась давать фейерверки. Весело катился-шумел вдалеке ее масленичный поезд. Укрытые по плечи медвежьими шкурами в санях, они долго смотрели на разноцветные отсветы, остававшиеся позади...

Вначале лошади бежали бойко. Лед был крепок, в «тепушках» по пути их снабжали горячими кирпичами. Лорка старался смеяться, шутить. Однако чем дальше отъезжали, тем трудней становился путь. Мороз крепчал, тайга во-

круг стихла, скованная его ледяным дыханием, только нет-нет раздастся громкий, как ружейный выстрел, треск... Так проехали день. К вечеру благополучно добрались до очередной теплушки. Казаки, дежурившие в избе, завидев женщину с мальчонкой, дивились, но были вежливы. А узнав, что Лорка – сын лейтенанта Вакселя, и вовсе не знали, где посадить и чем накормить: «Лейтенант наш, батюшка, светлая голова, дай бог ему здоровья! Без него тут бы пропасть народу полегла!» Божились, что до Юдомы осталось всего-то десять верст...

Поутру мать долго не вставала, казалась больной. Словно бы чуяла неладное, да не хотела ехать, думал потом Лорка. Но предчувствие встречи подгоняло, и вот через неохоту они выехали на заснеженную колею, проложенную санями по крепкому льду реки. Солнце уже взошло, однако от мороза все вокруг тонуло в снежном мареве, точно в густом дыму, сквозь которое солнечный круг казался розовым.

На четвертой версте одна из лошадей попала ногой в рытвину и сломала ногу. Сани с налету перевернулись вместе с поклажей. Острый край полозьев пробил ледяную корку. Лорка, не успев даже сообразить, что стряслось, оказался в ледяной воде.

От неожиданности и холода дыхание враз остановилось, – вот хотел бы вдохнуть, а в грудь словно кол забили. Перед глазами до сих пор стояла пронизанная зимним солнцем вязкая зеленоватая вода, в которую он, не в силах шевельнуться

в тяжелой зимней одежде, начал медленно опускаться...

Он не помнил, как оказался на поверхности. Помнил, что ото всех шел пар. Помнил, как его взгромоздили на расседланную лошадь, чтобы согреть теплом ее тела и, бросив обоз, налегке погнали вперед. Только потом Лорке рассказал один из ямщиков, что из воды его вытащила мать: «Тонехонька, как былиночка, барыня-матушка ваша, ей-то по виду и кошку было не вытянуть. А ведь вытянула вас за ворот и одна-одинешенька, покамест мы с лошадьми-то постромки резали, на себе прочь потащила!»

Вначале ему было холодно. Потом сильно захотелось спать, и Лорка даже не помнил, как его привезли в Юдому.

«Еле живого привезли! Еще бы чуть-чуть – и насмерть сомлел бы, не сумлевайтесь!»

Лорка пришел в себя уже в Юдоме, и той же ночью огневица вернулась. Но вот что удивительно (это еще годы ходило по Юдоме легендой!): Ульяна Ваксель, прыгнувшая за сыном в ледяную полынью и в такой же мокрой одежде ехавшая по морозу следом, не просто осталась жива – даже не заболела!

Сейчас, глядя ее хрупкие вздрагивающие плечи, Лорка вдруг подумал о том, как удивительно сочетается в ней нежность и стойкость, слабость и негибимое мужество.

– Ну, будет, будет, – как взрослый маленькому ребенку, повторял Лорка. – Самое страшное уже позади!

Рыдания ее понемногу стихли:

– Что это я? – утирая глаза рукавом, Ульяна расправила плечи. – Даст Бог, выдержим. А ты, Лавруша, немедля обратно в постель!

Лорка послушно залез обратно в постель и сразу провалился в сон – крепкий сон выздоравливающего. Проснулся затемно. В избе вкусно пахло свежим хлебом: мать не доверяла здешним бабам, которых удалось разыскать в прислугу, выпечку хлеба, жалуясь, что у них тесто то пригорает, то кислит. Пекла хлеб сама, – так, как пекут его на родной Смоленщине: мягкий и пышный, он потом не черствел неделями, и на «Ульянину краюшку», как не раз говаривал отец, к нему на привалах «в очередь стояли».

Вот и сейчас она привычно гремела ухватом, вытягивая из печи румяные караваи.

«Странно, – сонно подумал Лорка. – Хлеб-то поутру пекут, да и в праздник работать грешно... Ох... так ведь утро и есть!»

Ранее, тусклое, зимнее. В оконце над темной линией леса мерцала маленькая звездочка.

«Может, и отец тоже сейчас ее видит», – вдруг подумалось Лорке.

Под окнами слышалась какая-то возня. Затем грохнуло в сенях.

– Кто здесь? – раздался тихий голос матери. Однако за дверью молчали.

– Кто здесь? – громче повторила Ульяна. Она, в отличие

от беспамятного с добрый месяц сына, уже зналась с местным народцем, и без особой нужды даже из избы выходить боялась: экспедичные людишки-то были с бору да с сосенки, а уж о местных и говорить не стоило, – сплошь клейменные каторжане да укшуйники⁷. Потому, когда снова зашумели, к двери Ульяна пошла с ухватом.

Дверь распахнулась, ухват грохнул на пол. Ульяна обесиленно опустилась на лавку:

– Свен...

У отца с бровей и бороды свисали сосульки, шапка и ворот тулупа заиндевели.

– Отец! – Лорка рывком выпрыгнул из постели, прижался к холодному рукаву. Враз устыдился подступивших слез и принялся помогать отцу снимать задубевшую с мороза одежду.

Он много раз представлял себе эту встречу – еще до отъезда, в Якутске, в пути, в горячечном бреде – и всегда он, Лорка, вот так подбегал к нему, тыкался в отцовский рукав, а суровое лицо отца расцветало улыбкой.

Но сейчас улыбки не было. Высохший, небритый, злой этот человек был почти незнаком Лорке:

– Пошто приехали? – сняв сапоги и опускаясь на лавку, спросил он. – Стряслось что?

Лорка, растерянный этим будничным вопросом, поймал взгляд матери. Ульяна закусила губу и отчаянно замотала го-

⁷ Укшуйник – разбойник, тать (*стар.*).

ловой.

Отец тем временем достал из-за пазухи флягу, опрокинул остатки в рот.

– Пахнет хорошо, – крикнув, сказал он. – Хлебом-то угостишь?

Мать опомнилась, метнулась к печи. Отец руками отломил горбушку, уткнулся в нее носом.

– М-м-м... хорошо! – закрыв глаза, откинулся на стуле и с наслаждением принялся жевать.

Тишина воцарилась такая, что ее, казалось, можно резать ножом. Дожевав хлеб, отец снова приник к фляге. Потом достал дорожную чернильницу и спросил:

– А бумаги казенной, случаем, не запасли?

– Вот. – Лорка видел, что мать с трудом сдерживает слезы. Однако она, стараясь себя не выдать, молча достала привезенную из Якутска кипу бумаги, положила на стол. Смахнув на пол крошки, отец облокотился на стол:

– Рапорт писать немедленно должно. Чирикова я отпустил спать, сомлел он все же малость на обратном-то пути. Напишу, отправлю с вестовым капитан-командору – после поговорим.

Мать отнесла Лорке теплого молока и хлеба прямо в постель. Поев, Лорка какое-то время маялся бездельем под мерный скрип пера отца, однако потом снова уснул.

Проснулся он снова в темноте. Где-то за печью, – там, где родительская кровать была огорожена занавеской, теплилась

свеча.

– ...сил моих нет, – слышался дрожащий голос матери. – Анна-Кристина с детьми уезжает. Отпусти и ты нас, коли мы здесь тебе обузою...

Сердце Лорки ухнуло куда-то вниз. Еще никогда, никогда за все время их бесконечного путешествия мать ни разу не то что с отцом – с Лоркой не заговорила о возвращении!

– Не обузою, – коротко отвечал отец.

– Да разве? – В голосе матери явственно слышалась обида. Эту-то обиду как раз Лорка хорошо понимал. Он и сам еле удержался от слез от такой холодной встречи. – Все служба, служба! Хоть бы о сыне спросил! А он не помер едва, с самой Масленицы болеет! На Ураке сани под лед провалились, насилу вытащили...

– Отчего в Якутске не дождалась? – кулак отца в сердцах грохнул об стол. – По весне бы встретились... Слыханное ли дело – в такую зиму бабам с детьми... Я еще с Коробова спрошу, как посмел отпустить...

– Его не вини! – вскинулась мать. – Сами мы...

– Для какого, скажи, дела?

Мать надолго замолчала. Потом уронила еле слышно:

– Тебя повидать... Лавруша все спрашивал. Вот я и...

– Ох, Ульяна, Ульяна! – слышался шорох, это, должно быть, отец обнял мать.

– Не получилось у нас жизни в тепле да в довольстве, – после долгого молчания сказал отец. – Все бредем да бредем

куда-то. А будет ли конец тому пути – и сам не ведаю... Быть может, и прав командор – любит жену свою, а потому отсылает ее обратно, подальше от здешней дикости...

– Не нужны мы тебе здесь, – всхлипывала мать. – Нужны бы были – все снесли, любые невзгоды... А так...

– Сама не знаешь, что говоришь, – вздохнул отец. – Не нужны бы были, давно бы отослал назад – к чему маяться? Или уж оставил в Иркутске, – там все же какое-никакое женское удобство...

– Не нужно мне удобства! И Лавруше не нужно! Ты нам нужен! Ты! А тебя все нет... А вернешься – слова ласкового не скажешь! Так и живем, ровно вдова с сиротою при живом муже! – мать наконец высказала то, что наболело на душе, и смолкла.

– Служба моя, Ульяна, такова, – тяжело сказал отец. – Еще мой отец мне говаривал: морская служба с жизнью семейной не в ладу...

– Да где ж она, служба твоя морская, Свен? – горько сказала Ульяна.

– Здесь, – отвечал отец. – Год за годом, миля за милей. Большое задумано было дело государем, – край земли Русской отыскать да утвердить на ландскартах навечно. Разве же враз справиться?

– А без тебя... никак не можно? – несмело спросила Ульяна.

– Может, и можно, – коротко отвечал отец. – Только вот

хорошо ли справиться выйдет?

– Полюбила я тебя за честное и верное сердце, – помолчав, сказала мать. – Не след теперь своим мытарством с пути сбивать. Делай, как знаешь, Свен, о нас не тревожься. И впрямь надо было в Якутске зиму переждать. Невмоготу только стало без тебя, невмоготу!

– Тсс... Все хорошо. Даст бог, по весне в Охотск переберемся, там я уже и избу свежую для вас велел строить – просторней этой!

– Ох... а там построишь ты эти свои корабли – и уйдешь землю американскую искать... А еще вернешься ли...

– Вернусь, – твердо сказал отец. – Как не вернуться, если сердце мое вот здесь, Ульяна, mitt hjärta!⁸ Ты держи его крепче, да помни – пока оно здесь, с тобой, никакая беда меня не настигнет!

⁸ Mitt hjärta (*швед.*) – сердечко мое!

Глава 2

Японская экспедиция

29 августа 1739 года, Охотск

– И в этом году не успеть. По Охоте уже лед пошел, а в море на полкабельтова к берегу не подойти. – Чириков раздраженно смахнул с лица мокрую прядь. Они с Вакселем стояли на песчаной насыпи, откуда лучше видно было залив. Оба напряженно вглядывались вдаль, как делали это день за днем в напрасной надежде.

– В этом году не успеть, – кивнул Ваксель. – Да и не можно нам в море выходить, пока Шпанберг не вернулся. Приказ командора.

– Даст бог, хоть в следующем году свой долг выполним, – вздохнул Чириков. – Невозможный уже стыд берет. Двадцать лет тому почти, как государь Петр Алексеевич наказ командору дал путь в американские земли разведать. Умер государь, так ответа и не дождался. Мы же трижды все земли русские пешком обошли, а воз и ныне там! Боюсь, как бы им там, в Петербурге, вестей от нас ждать не надоело, да и не велели бы назад поворачивать!

– Начало Американской экспедиции все же положено. Пусть еще сами мы на поиски земли Американской в море не вышли, но сообщение об открытии земель японских лей-

тенант Вальтон привез. Командор донесение в Петербург отправил. Однако ж и потери преизрядные...

– Погоди, Ксаверий Лаврентьевич, – вглядываясь в горизонт, протянул Чириков. – Может быть, еще вернется Шпанберг-то.

– Господь ведает. Вальтон, однако, уже здесь, а он ведь, потеряв Шпанберга, не токмо к Японии причалил и земли тамошние оглядел, но и на Камчатке Шпанберга дожидался. Лишь не дождавшись уже, вернулся...

– На море всяко бывает. – Чириков упрямо мотнул головой.

– Эх, Мартын, Мартын! Вспоминаю я его часто, – задумчиво сказал Ваксель. – Грешным делом, все пенял ему прошлый год, что так собой не владеть офицеру не должно. А вот нынче тоже сидим на готовых к отправке кораблях, и легче было бы снова к Шкворню под дуло...

После зимовья на Юдоме Вакселию и Чирикову пришлось сначала построить более сорока лодок, чтобы переправить груз и людей в Охотск. От Юдомского Креста самый короткий путь был водный – через небольшую ненадежную речку Урак.

Честь возглавить флотилию Ваксель предложил Чирикову, хоть Беринг предлагал ему это первоначально. Но нет, – «дело начал, дело закончить надобно», – и Ваксель остался, подгоняя оставшихся, проверяя склады с провиантом, пересекая безбожное воровство и размещая все новые прибыва-

ющие из Якутска грузы.

Перед отплытием из Юдомского Креста Чириков за свою давнишнюю грубость извинился. Ваксель принял извинения от старшего по рангу также невозмутимо, как в свое время оскорбления. Но Чириков знал, что с тех пор они стали ближе. Тем более что с ним Ваксель отправил в Охотск свою жену и сына.

Охотск встретил флотилию настоящим торжеством – ликовало все население Экспедиционной слободы, – так здесь называли тех, кто приехал последние годы строить корабли.

К ликованию этому примешивалась и неподдельная благодарность – в Экспедиционной слободе все до последнего матроса знали, что именно после визита Чирикова и Вакселя к Скорнякову-Писареву тот вдруг присмирел.

Это было большим облечением. После того как людей и снаряжение разместили, работа пошла споро. Шпанберг не соврал, стараясь себя выгородить, – его корабли и впрямь были практически полностью готовы к плаванию. После того, как все необходимое загрузили в трюмы, оставалось лишь дожидаться благоприятной погоды.

В середине июня 1738 года отряд-капитан Мартын Шпанберг вышел из Охотска на трех судах в Японскую экспедицию. Провожали их в настроении приподнятом. Наконец-то дело, ради которого они пересекли половину земли, начало свершаться! Сколько положено трудов, сколько сил!

К лету в Охотск перебрался Беринг и взял на себя боль-

шую часть административных дел. Чириков и Ваксель могли заняться тем, чем чаяли – постройкой своих будущих кра-савцев.

Несмотря на то что все лучшее отдавалось на корабли Шпанберга, остовы будущих пакетботов уже обросли шпангоутами, взметнулись в небо стройные мачты. На берегу варили смолу для конопатки, сновали туда-сюда по сходням матросы... Лица у всех были серьезные, сосредоточенные, но под этой сосредоточенностью, будто солнце сквозь облака, проступала надежда. Сбросив гнет бесцельного ожидания и бесконечных проволочек, люди работали с раннего утра и до поздней ночи, постепенно превращаясь из стаи случайных людей в команду.

Подогревало и ожидание новостей от Шпанберга. Уже к апрелю все основные работы по строительству кораблей были завершены. Потянулось ожидание – вязкое, бесцельное. Сотню раз уже горячий Чириков на заседаниях штаба настаивал выходить в море, не дожидаясь Шпанберга. Однако Беринг медлил, и это промедление сводило всех с ума.

И вот, неделю назад дюбель-шлюп «Надежда» под командованием лейтенанта Вальтона вернулся. Один. С тех пор о возвращении Шпанберга старались не говорить. И об отплытии тоже.

– Вот уж от кого такое услышать не ожидал, – усмехнулся в усы Чириков. – Что же ты тогда в штабе у командора со мною плечо к плечу не стал? Послушал бы Беринг нас дво-

их-то!

Ваксель долго молчал. Потом тихо сказал:

– У меня семья. Кто знает, не ждет ли нас судьба Мартына...

– Отец! Огни с моря на зюйд-весте! – Лорка, размахивая руками, бежал к нему по берегу.

Все детство Лорка был маленьким и хрупким, огневица точно выедала его изнутри. Но в последний год, проведенный здесь, в Охотске, отцова статья дала себя знать. Лорка вдруг вытянулся свечой и ростом уже сравнялся с большинством взрослых тунгусов.

Корабелы и офицеры экспедиции столпились на берегу, вглядываясь в темнеющий горизонт.

– Идут двое! Крест на том, впереди «Архангел Михаил»! – закричал наконец корабельный плотник Савва Стародубцев. – По оснастке я его, родимого, за версту вижу! Это Шпанберг!

На пристани началась лихорадочная суэта. Зарядили пушку и издалека донесся ответный залп. Теперь сомнений не было.

Командор Беринг стоял на песчаном берегу, длинный завитой парик трепал ветер. Он плакал, не стыдясь, и Лорка вдруг понял, что сам Иван Иванович уже в возвращение Шпанберга не верил.

Когда корабли подошли достаточно близко, все вокруг принялись палить и кричать, как сумасшедшие. Наконец

причалила к пристани шлюпка, и капитан Шпанберг, – исхудавший, с растрепанными волосами, без парика, ступил на берег.

Беринг обнял его дрожащими руками.

– Воистину славен Господь! И не чаял я уже с тобою, Мартын, свидеться! – хрипло сказал командор, крепко стискивая плечи товарища. – Идем в штаб, доложишь. Алексей! Надобно немедля всех разместить, накормить скромным и выдать водки штоф. Лорка, беги к попу в церкву, вели в колокола звонить. Радость, друзья мои. Радость!

* * *

В штаб любопытствующих, в том числе и Лорку, не пустили. А ему страсть как хотелось послушать! Недолго думая мальчик кругом обежал штаб, сложенный обычной избой, сиганул с разбега на пристроенный к ней амбар и протиснулся в узкую щель под крышей. Переступая по балке, проскочил над сенями, приткнулся к дощатой обшивке над дверьми. Стоять на узкой балке было неудобно, держаться почти не за что – но зато со своего насеста ему было видно всех как на ладони. Сколько он уже этих важных заседаний подслушал!

Беринг сидел во главе стола, вокруг него кругом расположились офицеры. Командор сам налил полный стакан водки, поднес Шпанбергу. Тот выпил залпом, резко выдохнул.

– С возвращением, Мартын, – тепло сказал Беринг. – До-

кладывай!

– Лейтенант Вальтон, должно быть, уже доложил обо всем, что случилось до того, как море разлучило нас, – начал Шпанберг, развернув перед собой потрепанный вахтенный журнал и разложив на столе ландскарту. – Так что обстоятельства сии опишу кратко. Мая двадцать второго числа со своей эскадрой вышел я с рейда реки Большой, спустя четыре дня стал на якорь у первого острова Курильского и ждал там отставшие другие суда, чтоб надлежащим образом эскадру подготовить, снабдить всех начальников инструкциями, сигналами и прочим. Все это сделавши, июня месяца первого числа я со всеми судами отплыл от Курильских островов.

Сперва плыли мы курсом на юго-восток приблизительно до 47° северной широты, затем взяли курс на юго-запад. Прошли мимо многих островов, и особо хочу отметить, что течения в тех местах, – вот тут и тут я указал их на ландскарте, – весьма сильны и переменчивы; четырнадцатого числа июня попали в густой туман, отчего бот «Гавриил» отбился от отряда. Мы учинили розыск его в течение двух дней, неоднократно палили из пушек, но найти его не могли.

Шпанберг говорил по-немецки, и Лорка понимал его с трудом. Все слова вроде бы были понятны, но к концу фразы смысл ускользал и в паузах, которые делал Шпанберг, Лорка судорожно проговаривал про себя все это по-русски. Несмотря на то, что в окружении отца немецкая речь звуча-

ла сплошь и рядом, язык все же был Лорке чужой. Но дослушать окончание чудесного рассказа хотелось, и Лорка весь обратился в слух.

– Осьмнадцатого числа июня вахтенный завидел землю. Мы бросили якорь на глубине двадцати пяти сажен. По моему счислению, получилось наше нахождение на $38^{\circ}41'$ северной широты. Счел я, что та земля и есть Япония: видели мы громадное количество японских судов, а на берегу поселения и засеянные поля; однако за дальностью расстояния рассмотреть, что именно растет, не смогли. К нам подошли два судна, но остались на веслах на расстоянии тридцати или сорока сажен от них и не желали подойти ближе. Когда им стали делать знаки и приглашать, они тоже стали показывать знаками, чтобы мы высадились на берег, однако же я остерегся, и мы остались на якорях.

Так стояли до двадцатого числа, когда снова увидели множество японских судов, в каждом судне команды по десяти – двенадцати человек. Однако я не стал поддаваться на их уговоры и не дал команды спускаться на берег и вступать с японцами в разговоры.

– А вот лейтенант Вальтон смелость имел, – как бы невзначай заметил Беринг.

– Лейтенант Вальтон, смею утверждать, имел неблагоразумие, – вспыхнул Шпанберг. – Он очень легко мог потерять всех своих людей и не имел бы возможности оказать им помощи; я же предпочел людей сохранить, несколько раз под-

ходил к берегу в разных местах, становился на якорь, но ни разу не оставался на одном месте надолго, а держался все время под парусами, чтобы в любой момент быть готовым ответить силой на любое злодейство!

Лейтенант Вальтон несколько раз открывал рот, словно хотел что-то сказать, но с усилием сдержался и промолчал. Лорка подумал, что уж он-то на месте Шпанберга ни за что не остался бы на борту корабля. Судя по блеску в глазах остальных офицеров, и они бы не остались!

– Два дня после того мы пришли в другую бухту на $38^{\circ}23'$ северной широты, – продолжал Шпанберг. – Здесь я позволил причалить к нам двум рыбацким суднам и взять на борт немного свежей рыбы, риса, большие листья табака, соленые огурцы и прочей еды. Рыбаки не соглашались продавать эти припасы, а выменивали их у матросов на различные мелочи и держали себя вполне честно и пристойно. Мне удалось также достать у них немного японских дукаатов в обмен за русские деньги. – Капитан достал из-за пояса связку странных металлических четырехугольников, покрытых какими-то восточными, неизвестными знаками. Он передал их по кругу, и офицеры принялись их внимательно разглядывать. Беринг покивал седой головой.

– В смысле торговом эти сведения весьма ценны. К чему японцы проявили интерес?

– Более всего они интересовались относительно сукна и полотняного платья, а еще синих стеклянных бус. На другие

мелочи они не пожелали обратить никакого внимания, хотя им неоднократно их показывали.

– Вы упоминали об их судах, – вмешался капитан Чириков. – Каковы они на вид и вооружением?

Ваксель одобрительно кивнул на этот вопрос. Шпанберг посуровел.

– Рыбачьи суда все имеют плоскую корму и очень заостренный нос. Ширина их будет футов пяти, длина около двадцати или чуть больше. Рулевое весло вставляется сверху так, что, когда им не пользуются, его можно убрать внутрь лодки. Более крупные суда имеют по два весла, по одному с каждой стороны в корме, совершенно кривой формы. Веслами они работают всегда стоя и продвигаются под веслами очень быстро. В этих судах устроена также палуба, под которую они складывают свои вещи и припасы, когда выходят на рыбную ловлю, а на самой палубе устроен небольшой очаг, на котором они готовят себе пищу. Удалось мне еще заметить, что на этих судах вместо железных уключин и крюков имеются лишь медные, якоря же, вроде наших четырехлапых кошек, изготовлены из железа. Далеко от берега они обычно не отходят, а на ночь возвращаются на якорь.

– Много ли их?

– В то время разом мне удалось насчитать семьдесят девять судов, а кроме них еще видел я японские боты. Эти боты, заостренные как с носа, так и с кормы, и гораздо больше этих судов по размерам, вмещают много людей и хорошо

идут под парусом, но лишь по ветру.

– Все это говорит о том, что мореходство у них развито хорошо, – медленно проговорил Беринг. – Удивительно, что при таких флотилиях в наших водах мы встречаем их столь редко.

– А каковы они на вид? – с любопытством спросил Чириков. – Одеты как?

– Обычно росту невысокого. – Шпанберг покосился на Ваксея. – Лицом схожи с тунгусами, однако кожей посветлей. Обычай носить прическу у них чудной: половину головы стригут наголо, а на другой половине волосы зачесывают сзади гладко, и еще мажут клеем или жиром, затем заворачивают в белую бумагу и нижний конец их коротко остригается. Это взрослые. У маленьких мальчиков на середине головы выстригают четырехклинок, размером дюйма в два, а в остальном прическа такая же. Носы у них небольшие, плоские, но не настолько плоские, как у калмыков. Носят широкие одежды с поясом, с широкими рукавами, вроде европейских шлафроков, но без воротников. Сколько их ни видели, все ходили без штанов и босиком и закрывали срамоту повязкой.

– Это все простолюдины, – проронил Беринг. – А знатных людей видеть довелось?

– Незадолго до ухода к борту причалила большая шлюпка; было в ней помимо гребцов четыре человека. Одежда их в остальном такая же, была вышита по плечам и подолу, так

что, видно, это были более знатные люди. Я пригласил их в свою каюту. Войдя, они поклонились до земли, а сложенные ладонями руки подняли выше головы, а потом остались стоять на коленях, пока я не заставил их встать. Мы их угостили водкой и обедом, и они охотно съели его. Потом я показал им морскую карту и глобус, после чего они знаками пояснили, что их страна называется Нифония, а не Япония. Они также говорили о других островах, называя их Маема, Сандо, Сангар, Нотто и еще по-разному; эти острова они показали пальцами на карте. Уходя, они снова поклонились до земли так же, как они сделали при входе в нее. Шлюпки, которые доставили их, потом вернулись и привезли различные мелочи на продажу или для обмена на русские вещи. Между прочим, там был кусок картона такого сорта, какого нигде до этого не приходилось видеть.

– Не может ли эта земля и ее обитатели оказаться жителями земли Жуана де Гамы? – спросил Беринг. – К экспедиции нашей указом Сената прикомандирован профессор де ла Кройер, он известил меня, что будет дожидаться нас в Большерецке. Профессор де ла Кройер имеет весьма любопытную ландскарту, в которой сия земля обозначена.

– Я пробыл там несколько дней и могу судить, что эта земля – определенно Япония. – Тон Шпанберга стал сухим. – Об этом можно судить по множеству японских судов, вид которых хорошо известен из прежних описаний, по вот этим японским монетам с иероглифами и, наконец, по заявлени-

ям всех встреченных людей, что они находятся действительно в Японии. Это также подтверждается следующим соображением: как известно, северная оконечность Японии расположена на 40° северной широты, а я следовал вдоль берега до 38 к юго-востоку и не видел к югу конца земле.

– Таким образом, можно уверенно считать, что капитан Шпанберг и лейтенант Вальтон выполнили возложенное на него поручение, – с удовлетворением заметил Беринг. – А это, господа, едва не первое наше успешно выполненное дело, о котором я могу доложить государыне императрице.

От похвалы Шпанберг слегка покраснел, а Чириков с Вакселем, напротив, поджали губы.

– Однако это заняло лишь несколько дней, – не без яда в голосе сказал Чириков. – Отчего же такое промедление вышло? Вальтон за это время успел вернуться на Камчатку, а оттуда в Охотск!

– Я посчитал, что, пока погода мне благоволит, смогу идти дальше и искать еще неоткрытые земли. Я рассчитывал еще совершить путешествие в западном направлении и обогнуть Японию с севера. Не имея, однако, никакой уверенности в том, что встречу на своем пути землю, я пошел сначала в северо-восточном направлении, чтобы поискать пресную воду на одном из встреченных островов. 3 июля на $43^\circ 50'$ северной широты мы увидели большой остров. Я послал к берегу шлюпку, чтобы поискать воды, а сам между тем стал на якорь недалеко от острова, на глубине тридцати сажен.

Шлюпка привезла на судно тринадцать бочонков хорошей воды, и посланные сообщили при этом, что на этом острове растет много березы, зеленого кустарника и других неизвестных им деревьев. Они сообщили также, что встретили на берегу семь человек жителей, но не могли с ними переговорить, так как те от них убежали; впрочем, они видели весла от лодок и сани, сделанные наподобие тех, которые видели на Курильских островах и на Камчатке. Я подошел еще ближе к берегу и стал на якорь на песчаном грунте на глубине восьми сажен. Здесь внутри довольно большой бухты я заметил какое-то селение. Я немедленно послал туда шлюпку, и вскоре мне доставили на борт восемь человек местных жителей. По внешнему виду и росту они напоминали жителей Курильских островов, с тем лишь отличием, что все их тело было покрыто довольно длинными волосами. Я угостил их водкой и сделал им подарки из различных мелочей, которые они приняли самым дружелюбным образом. Они носили длинную одежду, сшитую из пестрых лоскутков шелка самого различного цвета, но ходили босиком. Судя по одежде, можно полагать с полным основанием, что они имели сношения с японцами. На лице у них были черные бороды, а у стариков бороды совсем седые. У некоторых в ушах были вдеты серебряные кольца; говорили они, конечно, по-курильски. Их суда также совершенно похожи на курильские. Увидев на борту живого петуха, они все стали на колени, сложив обе руки над головой, низко поклонились ему; также

поклонились они до земли за полученные подарки.

9 июля мы покинули остров и лишь с большим трудом сумел выбраться оттуда. Впереди я видел песчаные мели, на которых разбивались большие волны; мне еле удалось пройти там на глубине трех, четырех и пяти сажен. Из-за противных ветров на глубине семи сажен снова пришлось бросить якорь. В общем, только через несколько дней нам удалось выйти в открытое море; проходили на глубине десяти, одиннадцати, двенадцати и четырнадцати сажен. Вследствие вредных испарений, наблюдавшихся в этих местах, многие из состава экипажа заболели. На своей карте я назвал этот остров Фигурным, а бухту – Пациенция, так как нам пришлось перенести там много трудностей, и немалое число моих людей вскоре умерло от болезней.

Отойдя от острова, я плыл по большей части к западу и отчасти к югу и 23 июля увидел впереди справа землю, расположенную на $41^{\circ}22'$ северной широты. Были видны также три японских судна, плывшие к западу.

Я принял эту землю за остров Матсумаи, как это и было на самом деле; мне пришлось слышать, что японцы в этом месте содержат сильный гарнизон и большой флот. На берегу было видно несколько высоких вулканов, а в море много скал, выступающих из воды.

Я прошел вдоль берега до 25 июля, а потом отправился в обратный путь на Камчатку, как у нас было уговорено в случае, если мы с лейтенантом Вальтоном разминемся. Однако

там я его не нашел. – Шпанберг метнул на Вальтона неодобрительный взгляд. – 15 августа мы бросили якорь в устье реки Большой, а уже 20-го после небольшого отдыха мы снова вышли в море и с Божьей помощью прибыли благополучно.

По мнению Лорки, рассказывал Шпанберг ужас как скучно, то и дело зачитывая со своего журнала даты и счисления. А ведь такие интересные вещи вокруг случались! И все же, несмотря на эту его сухую канцелярскую манеру, в штабе воцарилась долгая проникновенная тишина.

– Что ж, господа. – Беринг встал, опершись кулаками о стол и принялся внимательно изучать разложенную перед ним карту Шпанберга. – Великое совершено дело. С Божьей помощью меньше стало в окрестностях земель российских белых пятен. А близость Японии сулит как немалую выгоду в торговле, так и немалые опасения относительно их военных намерений. Но главное – Американской экспедиции положено начало! Теперь, милостью Господней, надлежит нам выполнить свою последнюю и самую важную задачу...

Нога у Лорки затекла совершенно. Он машинально переступил, и, не почувствовав онемевшей ногой опасности, с ужасным грохотом обрушился вниз, в сени.

– Лоренц! – Ваксель вскочил на ноги.

Чириков расхохотался, увидев, как Лорка занимается пунцовым рюмлянцем весь, – от лба до подбородка и даже шеи. Командор Беринг, пряча улыбку, знаком приказал разгневанному отцу сесть.

– Вот тебе и секретное совещание... Что же мне с вами, молодой человек, теперь делать?

Лорка молчал, не поднимая глаз. А потом решил:

– Разрешите служить, командор! – А потом добавил просительно: – Иван Иванович!

Беринг прищурил глаза:

– До того, юноша, вам надобно б еще годков прибавить...

– Мне двенадцатый год! Тятенька сказывал...

Ваксель в сердцах грохнул кулаком по столу, и Лорка испуганно замолк.

– ...и гардемаринскому чину обучиться... – продолжил Беринг

– Я готов! – отчаянно выкрикнул Лорка.

– ...а наперво научиться дисциплине.

Отец побагровел: худшего оскорбления командор и придумать не мог.

– Разрешите мне вывести и наказать его примерно, – раздувая ноздри, тихо сказал он.

– Не разрешаю, – покачал головой Беринг, близоруко щурясь. – Ну-ка, молодой человек, подите сюда.

Лорка, боязливо косясь на отца, подошел. Беринг ткнул в карту.

– Посмотрим, что вы из рассказа капитана Шпанберга уразумели... Это что?

Лорка взгляделся:

– Это, должно быть, остров Матсумаи. Вот, капитан

Шпанберг говорил, что видел его под 38 градусами северной широты... А это – вот! – остров Фигурный, где он видел тех волосатых людей. Тут бухта Поциенции. Ушел он оттуда с трудом превеликим, стало быть, для рейда наших прочих судов стоило бы поискать другую...

– Довольно, – прервал его Беринг сурово, но где-то в глубине его голубых глаз плясали яркие искорки. – Я вижу, юноша, к морскому делу вы весьма способны.

Не успел Лорка расцвести от неожиданной похвалы, как командор возвысил голос:

– Но к дисциплине вы, юноша, не прилежны! Назначаю вам штраф уборочными работами в штабе на две недели. Чтобы пол блестел! А там поглядим...

Глава 3

В добрый путь!

29 июня 1740 года, Охотск

Утро выдалось сырым и туманным. С моря дул резкий ветер и, несмотря на то что Охота давно вскрылась, неподалеку от устья еще носились льды.

Лорка стоял в самом конце шеренги моряков и, как все, с замирающим сердцем смотрел, как, трепеща на ветру, над грот-мачтой медленно разворачивается сине-белый Андреевский флаг.

Иван Иванович и отец стояли на носу. Отец возвышался над своим командиром на добрую голову, однако этот невысокий человек с добрыми усталыми глазами, которого Лорка так хорошо знал, сегодня выглядел как настоящий командор.

Он и отец были единственными среди всей команды, кто был одет по Уставу. Уж Лорка-то это знал: сукно для зеленого, с красными отворотами кафтана отцу было тем же, что и для командора, и шилось по тем же «чертежикам». Это позаботилась о построении мундира для мужа еще Анна-Кристина Беринг до своего возвращения с детьми в Петербург. Шерстяное сукно для мундира, широкополые голландские шляпы, белые чулки и чирики – туфли с пряжками, – были выписаны ею, когда супруга командора еще наде-

ялась присутствовать при торжественном моменте. Остальные, как и сам Лорка, были одеты в серые бостроги – однобортные куртки и канифасные штаны. У некоторых на ногах красовались даже унты, потому как добыть в этих местах настоящие кожаные чирюхи было невозможно.

– Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, – вперед вышел отец Илларион, дородный, круглолицый, в белой епитрахили, поручах и фелони. По традиции служба по случаю наречения кораблю имени происходила прямо на палубе.

Все вокруг затихли, перестав даже шевелиться. Бас отца Иллариона подхватили служки на берегу, и вместе с шумом волн, далекими криками чаек все это слилось в единый гимн.

Ульяна Ваксель, – «крестная мать», – одиноко стояла на берегу, молитвенно сложив руки. Крестным отцом, – восприемником, – конечно, никто, кроме самого командора, и быть не мог. Сейчас он стоял рядом с отцом Илларионом, готовясь «воспринять» корабль, точно младенца. Губы его шевелились в молитве.

Отец Илларион трижды обошел с кадилом «крестного отца» и вышел вперед. Загудел певучим басом:

– Нарекаю сей корабль именем Святого апостола Петра во имя Отца, и Сына, и Святого Суха! Аминь! – По его знаку Беринг резким движением разбил о бушприт бутылку.

Ударил пушка, и моряки разразились приветственными криками. Лорку затопила гордость и радость: неужели слу-

чилось? Он знал, иногда и отцу не верилось, что великий путь все же приведет их сюда.

Много чего видел Лорка такого, чего и иным взрослым не вынести. И вся эта боль, весь этот труд всех окружающих его с детства людей были подчинены этой великой цели. Иной раз эта цель казалась несбыточной, а иной раз – бессмысленной и досадной, как писк комара над ухом. Иногда даже во-все забывалась за неторопливым течением дней.

Но вот – сбылась! Глядя на этого стройного двухмачтового красавца, по строению и оснащению больше похожего на бриг, чем на пакетбот, даже не верилось, что он выстроен здесь, в этом далеком диком краю!

Командор подал знак, и матросы быстро разобрали веревки, удерживавшие «Святой Петр» на стапелях. Машина дрогнула, заскользила и плавно вошла в воду, вызвав новую волну громогласного «Ур-ра-а!». Отец Илларион грянул «Символ веры». Все подхватили, – ладно, вдохновенно. Лорка тоже запел, – знакомые с детства слова будто бы вылетали изо рта сами:

...Исповедую едино крещение во оставление грехов.

Чаю воскресения мертвых

И жизни будущего века...

Аминь.

– Немчура, немчура, уходи со двора!

Трое чумазных мальчишек стояли перед Лоркой строем, глумливо ухмыляясь.

Михайла Плетнев был белобрысый, как сам Лорка, двое других – братья Рогатовы, – чернявые, с явной примесью местной крови.

Лорка понимал, что так просто не отделается. Вот уже два года, – с тех пор, как Антон Беринг уехал с матерью обратно в Петербург, эта троица ему нигде прохода не давала. А сегодня они наверняка стояли в толпе «острожан», собравшихся поглазеть на торжество. Острожанами звали тех, кто селился в Косом Острожке, в трех верстах от порта и Экспедиционной слободы, где жили в основном корабелы и участники экспедиции. Острожск стоял тут уже лет сто, и жители его считались «коренными», а «слободчане» – пришлыми, несмотря на то, что грамотою им было придано «Охотское Правление». На памяти Лорки «коренные» и «слободские» постоянно дрались, а в последнее время эти трое были у «коренных» заводилами. А уж пройти мимо него сейчас, когда он в новенькой форме!

– Убирайтесь в свой острог, чучелы! – рявкнул в ответ Лорка, крепче зарываясь каблуками в землю. Знал – сейчас налетят. И налетели!

Прежде чем он упал, ему удалось впечатать кулаком Михайле в челюсть. Тот по-пороссячьи завизжал и осел на землю рядом, пока Рогатовы сшибли Лорку на землю и принялись остервенело пинать. «Только не по голове, только не по голове!» – Лорка на этот раз почти не сопротивлялся, прикрывая лицо руками, – он теперь в команде, негоже ему перед командором и командой с разбитой-то рожей показаться! Не до гордости: едва стервецы, изумленные скорой сдачей, чуть остановились, Лорка мухой полетел к дому. Братья бросились было преследовать, но быстро отстали – выдохлись, пока лупцевали Лорку. Это ему и было надо.

«Ушел!» – Спину и живот жгло от свежих ссадин, руку он до крови рассадил о плетневскую челюсть, но лицо – лицо Лорка спас, и это главное. В другой раз он бы дрался до кровавых соплей, до швов над разбитой бровью. Но не сейчас. Только не сейчас!

Дом их чуть поодаль, у самой дороги на Острожск, на косогоре, и Лорка запыхался, пока бежал. Однако едва он собрался сигануть в щель за амбаром, ворота открылись. Отец! Пришлось спрятаться за углом и ждать, потихоньку выглядывая. Отец был с командором. Лорка слышал, как они прощались. Иван Иванович был частым гостем у них, особенно после отъезда Анны-Кристины и Антона с Аннушкой. Лорка знал, что сейчас отец проводит командира до дороги, а потом вернется, – и надо бы проскользнуть, пока не вернется. Лорка уже собрался было высунуться, чтобы поглядеть,

и чуть не натолкнулся на капитан-командора.

– Ой!

– Эт-то что еще такое, юнга Ваксель? – Командор, заложив руки за спину, как на смотре, грозно оглядел висящую лохмотьями окровавленную рубаху, – еще утром она была целехонькой, белоснежной!

– Подрался, – неохотно признался Лорка, переминаясь в пыли.

– Не знал я, что ты такой задира...

– Они первые полезли!

– Что ж, вот так просто и полезли?

– Вот так просто! Разве ж им кто указ? Раз я немчура – значит, можно и нужно! – со злостью выкрикнул Лорка.

Беринг нахмурился.

– Ах вот, значит, как... А ты, значит, немчура, иноземец?

– А то нет? – зло сказал Лорка. – Раз за немчурку бьют!

– Бить-то могут за всякое, – прищурил глаз Беринг. – А иноземец ты или нет – это ты только сам сказать можешь.

– Как это?

– Вот скажи-ка мне, отец твой, он иноземец или нет?

– И... иноземец, – неуверенно выговорил Лорка.

– Почему?

– Дак он же... в земле шведской родился... – растерялся Лорка.

Беринг нахмурился:

– А какому отечеству отец твой служит – датскому или

российскому?

– Российскому.

– Так вот запомни, юноша, – голос командора стал суровым, – Отечество твое то, которому душа твоя служит! Ясно? Лорка кивнул.

* * *

– Эй, юнга! Не зевай! – вахтенный Дмитрий Овцын беззлобно ткнул Лорку в спину и следом за ним принялся ловко взбираться по вантам⁹. – Лезь шустрей, не то всем расскажу, что забоялся!

– А никто и не поверит! – высоты Лорка вовсе не боялся и, пользуясь этим, вахтенные матросы всю гоняли его брать на гитовы¹⁰ марселя, – верхние паруса «Святого Петра».

Добравшись до салинга¹¹, Лорка начал быстро переступать по пертам¹². Он знал, что отец смотрит. Первый помощник всегда на носу, – командор на палубу поднимался редко, все больше в каюте своей сидел. Шутка ли – в шесть-

⁹ Ванты – снасти стоячего такелажа, поддерживающие мачту или стеньги с бортов судна.

¹⁰ Брать на гитовы – убирать парус.

¹¹ Салинг – часть рангоута, деревянная или металлическая рамная конструкция, состоящая из продольных и поперечных брусьев, закрепляемая на топе стеньги.

¹² Перты – тросовые подвески под реями, на которые становятся матросы при креплении парусов.

десять лет выйти в море!

Овцын поднялся следом и вместе они начали зарифлять¹³ парус. Сзади виднелся стройный силуэт «Святого Павла». Резкий северный ветер здесь, наверху, еще усиливался, высекая слезы из глаз.

Вот уже шесть дней как они покинули Большерецк и полным ходом шли к пункту своего назначения – Авачинской бухте, где решено было зазимовать: стоял уже конец сентября, и выход в открытое море осторожный командор, несмотря на возражения капитана Чирикова, считал опасным.

В Большерецке половину флотилии, – два судна, груженные провиантом для зимовки и будущей экспедиции, – пришлось оставить. Оба этих судна имели небольшую осадку и не могли в такое позднее время года обойти вокруг южной оконечности Камчатки. В отношении этих судов Беринг не хотел также допускать ни малейшего риска, так как случись с ними какая-нибудь малейшая авария, это погубило бы плоды всех дальнейших стараний. Лорка слышал от отца, что все они охотно стали бы на зиму в самой реке, но глубина воды на барах в устье была так невелика, что пакетботам прохода туда не было, а потому пришлось волей-неволей плыть в Тихий океан.

Закончив, Лорка какое-то время еще постоял, наслаждаясь ни с чем не сравнимым чувством простора и свободы. Овцын, увидев на его лице восторженную улыбку, заулыбал-

¹³ Зарифлять парус – подтягивать рифы для уменьшения площади паруса.

ся в ответ. Его лицо от этого стянулось, сделав заметным уродливый шрам, шедший через все лицо от уха до подбородка и делавший этого когда-то привлекательного, молодого еще мужчину похожим на разбойника.

Шрам этот, по рассказам штурмана Эзельберга (он был один из немногих кроме самого командора, кто относился к Овцыну с сочувствием) был получен им из-за «горестной страсти». Сказывал он, что в бытность свою начальником Обско-Енисейского отряда на шлюпе «Тобол» случилось лейтенанту Овцыну остановиться, на свою беду, в Березове, где отбывала ссылку семья князей Долгоруких. И лейтенант влюбился в старшую из опальных княжон, Екатерину, стал в гости к Долгоруким хаживать... Потом наступила весна, Овцын покинул Березов и с честью завершил свое задание – нашел проход из Оби к Енисею... Но шли уже в Адмиралтейство доносы и ничего не подозревавшего лейтенанта, ничем не запятнавшего честь своего мундира, ждал скорый суд по обвинению в «государственной измене»... Хорошо еще, что Беринг, получив весть о судьбе товарища, смог выхлопотать для сведущего и разумного офицера послабление. Дворянин Овцын был «всего лишь» бит плетью, разжалован в матросы и сослан в Охотск.

Впрочем, хотя иные и норовили бывшему офицеру «на место указать», командор сумел защитить бывшего соратника, сделал своим адъютантом. Однако упрямец Овцын настоял, чтобы вахты наравне с прочими матросами нести и в

кубрике с другими обретаться.

– Ну что зачаровался? – Овцын закончил работу и принялся спускаться. – Склянки бьют, айда в кубрик греться!

Койки у них были соседние. Видно, кто-то посчитал, что место Овцыну рядом с юнгой, младшим по рангу, в самый раз будет. Кроме того, и на самого Лорку поначалу посматривали косо: еще побежит доносить отцу. Но после того, как Лорка промолчал, когда подштурман Юшин подрался с прапорщиком Логуновым и когда матрос Акулов напился в Большерецке пьян до того, что его пришлось на борт тащить за ноги, к Лорке оттаяли. Начали заговаривать, угощать табаком (Лорка немилосердно кашлял, но отказаться не смел) да брать на партию в карты. Одной дружбы с Овцыным по-прежнему не одобряли, но тут Лорка выказал норов. Овцын ему нравился. Несмотря на шрам, хорошее у него лицо. Открытое, честное, большие смешливые темные глаза смотрят прямо. А примется рассказывать – впору рот подвязать, так и норовит раскрыться. Есть что порассказать бывшему лейтенанту, а ныне матросу Овцыну. Четыре года командовал он Обско-Енисейским отрядом экспедиции. Трижды суда на Крайний Север водил. Но ни разу еще не слышал от него Лорка ни слова про злосчастный Березов. Штурман Эзельберг сказал ему как-то, что княжну, из-за которой Овцына сослали, заточили по приказу государыни в монастырь. Не оттого ли не носит креста нательного матрос Овцын?

Лорка принялся было спускаться следом, но вдруг черное

пятно впереди привлекло его внимание. «Святой Петр» сейчас как раз проходил по южной оконечности Камчатки, именуемой мысом Лопатка, и самым южным из Курильских островов. Ширина пролива была около немецкой мили, и казалась вполне достаточной для прохода судов, но зоркие глаза Лорки уловили прямо по курсу бешено кипящую воронку. Вот волна откатила, обнажив торчащий, словно зуб, риф. Еще несколько мгновений – и «Святой Петр» налетит прямо на него!

– Тревога! Тревога! Риф прямо по курсу! – что есть мочи закричал Лорка.

Краем глаза он увидел, что с носа на него оглянулся отец. В следующее мгновение он махнул штурману и сам встал за штурвал.

Вот «Святой Петр» слегка накренился, паруса захлопали на ветру, когда он начал разворачиваться. Дул попутный западный ветер, но волны отчего-то не шли ровными рядами по курсу, как это бывает, – нет, они сталкивались, кипя и закручиваясь, точно шальные. Чем больше «Святой Петр» входил в пролив, тем выше они становились.

– Течение навстречу идет!

«Святой Петр», кренясь все сильнее, зарылся носом в высокую встречную волну. Держась за мачту, Лорка сверху увидел, как волна накрыла корму и, разбившись в пену, стекла через фальшборты, едва не утащив за собой двоих матросов, травивших снасти. Раздались крики.

О том, чтобы спуститься вниз, не было и речи. Обхватив руками и ногами мачту, Лорка висел между серым небом и свинцовым морем. Волны, закипавшие прямо у рифа, были огромны, а корабль, казалось, совсем не двигается. Одна за другой водяные громады шли навстречу отчаянно сопротивляющемуся судну. Нос корабля, будто лицо тонущего, отчаянно взмывал над волной, разрезая ее, но волны тут же смыкались, обрушивая на палубу потоки воды. Передвигаться по ней было немыслимо, – схватившись кто за что мог, люди в ужасе наблюдали за катастрофой. Только отец остался на ногах. Он отчаянно крутил штурвал и кричал что-то неразборчивое в ужасном шуме, поднятом разбивающимися о риф волнами. Несмотря на его усилия, корабль, казалось, вовсе не двигался, снова и снова зависая над ревущей бездной.

Позади корабля волны схлестывались особенно яростно, точно негодуя из-за того, что упустили свою жертву. Шедшая следом за «Святым Петром» на буксире шлюпка моталась за ним на тросе, будто игрушечная. В какой-то момент огромная волна подхватила ее и буквально взметнула на корму. Затрещали доски обшивки. Целое бесконечное мгновение Лорка с ужасом думал, что сейчас шлюпка ударится прямо о грот и обломит его, но буквально на волосок от мачты волна откатила, волоча за собой перевернутую шлюпку, какдохлого жука.

«Святой Петр» снова провалился вниз, и Лорка обомлел:

сквозь зеленоватую толщу воды виднелись камни.

«Да ведь под килем не больше трех сажен! – с замирающим сердцем подумал он. – Пропадем! Надо поворачивать назад! Назад!»

В то же мгновение Лорка стало стыдно за свою трусливую мыслишку. Он как наяву увидел перед собой внимательные, серьезные глаза отца, его размеренный голос:

«Ежели при попутном ветре пойдет течение супротив, самое опасное есть пытаться повернуть назад. Потому как едва корабль сойдет с попутного ветра, течением таким развернет его поперек, и мачту наверняка поломает. А дальше – что корабль, что ореховая скорлупка... Голову от страха при таком потерять – верной смерти подобно!»

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем страшный риф медленно, как улитка, прополз бортом и остался за кормой. И тут, как по волшебству, течение прекратилось: будто вырвавшаяся на волю птица, корабль стремительно полетел по волнам. Мокрый, на подгибающихся ногах, Лорка наконец спустился на палубу. Овцын, отлепясь от мачты, поднял лицо навстречу, крепко, по-братски обнял:

– Молодец, не сдрейфил! Сильно я боялся, что у тебя от страха руки ослабнут. Конец бы тебе!

Лорка, качаясь, как пьяный, вместе с Овцыным перешел на нос. Отец, мокрый до нитки и белый, как полотно, осторожно поглаживал рулевое колесо, точно баюкал больное дитя. Губы его шевелились.

– Прошли? – еле слышно спросил Овцын.

– Прошли, tack till Herren!¹⁴ – хрипло ответил отец. – Тридцать лет я на море, а такого страха, как сейчас, не случилось.

И вдруг неожиданно, пойдя красными пятнами, заорал:

– Кой черт тебя, юнга, на салинг понес!

* * *

Шедший следом через час «Святой Павел» при проходе пролива не испытал ни малейших затруднений, – встречное течение оказалось приливной волной, а при том, что было, как назло, новолуние, волна эта оказалась необычайно высокой и отхлынула за какой-то час, оставив почти спокойное море.

«Чудеса!» – еще не отойдя от пережитого ужаса, думал Лорка, глядя, как тает вдалеке мыс Лопатка.

«Святой Петр» взял курс на северо-запад, продвигаясь вдоль побережья. Слева виднелись сплошь горы. Опасаясь новых сюрпризов, Ваксель вел корабль на большой глубине, однако дальнейшее плавание было спокойным, пока 27 сентября на море не разыгрался шторм и не опустился густой туман. Тем временем по счислению, произведенному и Вакселем, и самим Берингом, оба корабля должны были уже по-

¹⁴ Благодарение Господу! (швед.)

дойти к цели своего путешествия – Авачинской губе.

Лорка, как и все, кто был на палубе, вожделенно всматривался в неприветливый берег, лелея отчаянную надежду, что туман рассеется и им удастся пристать. Но час проходил за часом, волна усилилась, и командор принял решение взять курс в открытое море. С тяжелым сердцем Лорка спускался в кубрик, – отец после произошедшего почему-то до сих пор злился, и Лорка старался не мозолить ему глаза. Слушая, как волны тяжело ударяют о борт и стонет в полусне-полузабытьи несчастный, страдающий морской болезнью бергбиуер Григорий Самойлов, Лорка старался подавить мутный осадок страха, не оставлявший его с тех пор.

«Отец справился тогда. Он справится с любой бурей!» – с отчаянной гордостью думал Лорка. Пару раз крен был так силен, что его сбрасывало с койки. Позеленев, матросы один за другим поднимались на палубу, якобы «поглядеть». Самойлова-таки вырвало, и в кубрике повис кислый запах блевотины. О еде все и думать забыли, хотя не ели с самого утра.

Озябшие, измученные, в кубрик ввалились вахтенные матросы, – этим, в отличие от остальных, было наплевать на то, что происходит наверху. Свалив в кучу мокрую одежду и вяло ругаясь, они буквально попадали на свои койки, и провалились в сон. Из их неохотного бурчания Лорка понял, что шторм разыгрался не на шутку и раньше рассвета подойти к берегу не удастся.

Утро пришло таким же неудобным и туманным. На пару-

сах и реях повисли крупные капли воды, «Святой Павел», шедший в полукабельтове, был совершенно не виден, если бы не горящие на его носу и корме огни.

«Эх, что за напасть? – Лорка, выбравшись на палубу, с тоской глядел назад, где, по его мнению, за сплошной стеной тумана должен был быть берег. – До берега-то ведь рукой подать!»

Люди были смурны и угрюмы. Собравшись вечером в кубрике, они, против обыкновения, не перекидывались шутками, не обсуждали дальнейший путь. Каждый, должно быть, внутри молился: завтра, даст Бог...

Но и завтра, и послезавтра подойти к берегу не удавалось. Напрасно два корабля, точно привязанные, снова и снова кружили по неприветливому морю. Туман, пелена, серый дождь. Дважды пришлось палить из пушек, чтобы не потерять друг друга. Близость цели сводила с ума.

На третью ночь, когда ожидание уже стало невыносимым, разразилась гроза. Лорка за всю свою жизнь не видывал, чтобы такая буря, – с молниями и градом, – случалась в октябре. Впрочем, и седовласый штурман Эзельберг признался, что не видывал такого. Ледяное, ревущее море, освещаемое короткими вспышками, казалось черным, руки коченели на пронзительном ветру.

Шлюпка, поврежденная еще при проходе через пролив у мыса Лопатка, получила пробоину и начала тонуть. С сожалением командор приказал рубить трос, – наполненная

водой, шлюпка делала корабль слишком неповоротливым. Лорка, как и вся остальная команда, восприняли это решение с тяжелым сердцем, – каждый знал, сколько труда выйдет новую выстроить.

– Э-эх! – корабельный плотник Савва Стародубцев не сдержался, зло бухнул кулачищем о колено. – Проклятая жизнь! Сколько сил впустую! Для той шлюпки ведь каждый гвоздь пришлось уже здесь, в Охотске, выковать! Кузню строили – в холода, в грязь! Железо с самого Якутска тащили! Доски для нее сам, вот этими руками выглаживал! И вот для чего! На дно!

Командор распорядился вдвое сократить привычные вахты и зарифить все паруса, чтобы сильный зюйд-вест¹⁵ не унес корабли от берега.

Буря продлилась три дня, показавшиеся измученным морякам вечностью. Однако на четвертый день, третьего октября, ветер начал стихать. Берег они давно потеряли из виду, и по полученным счислениям выходило, что их отнесло от побережья Камчатки. Чудо еще, что «Святой Павел», потерявшийся было в грозу, наутро подал сигнал и сумел удержаться в пределах видимости.

Обрадованные хотя бы этим, моряки повеселели. Да и ветер переменялся на попутный, обещая быстрое возвращение. Развернувшись, оба корабля пошли под парусами. Небо посветлело, облака не висели уже над головой, точно саван,

¹⁵ Зюйд-вест – юго-западный ветер.

и кое-где в них уже слабо угадывалась голубизна.

5 октября к вечеру со «Святого Павла», теперь шедшего впереди, бухнула пушка: земля! Подойдя ближе, Лорка узнал приметный мысок в форме утинового носа: здесь они уже проходили за день до того, как лег туман. Уже близко!

Он не спал всю ночь, ворочаясь на узком топчане и молясь: только бы к утру разъяснило!

Едва пробили склянки, полез на палубу: ясно! Солнце еще не взошло, но восток посерел, и в небе над головой холодно и ярко мигали звезды. За штурвалом стоял сам командор. Лорка подошел ближе, опасаясь спрашивать: Иван Иванович последние дни казался вовсе не здоров.

Но вот в предрассветном сумраке на корме «Святого Павла» мигнул огонек.

– Чириков подал знак! Авачинская бухта по курсу!

– Идем на берег! Идем на берег! – раздались радостные крики.

Команда высыпала на палубу, жадно вглядываясь.

Солнце взошло, и в розоватом свете утра Лорке наконец удалось разглядеть долгожданную цель.

Неширокие, сажень трехсот, ворота вели в пролив с обрывистыми берегами, за которыми виднелся величественный, покрытый ослепительно блестящим снегом конус огромной горы. У самой воды берег то круто обрывался в море, то рассыпался узкими косами и торчащими из воды зубцами скал. Поскольку довольно сильно похолодало, берега и редкие де-

ревья были покрыты инеем.

– Красота, – выдохнул рядом с Лоркой Овцын. Его лицо светилось.

Пролив на несколько миль вел в глубь материка. Ветер стих почти совершенно, однако течение продолжало неспешно подгонять корабли, и вот один за другим они мягко подошли к берегу.

– Место-то какое чудное! – Овцын окинул бухту оценивающим взглядом. – Да тут двадцать кораблей встать на рейд могут! К берегу без якорей можно подойти! От ветра защита скалами, от волн – проливом! Тут, я тебе скажу, наилучшее для порта место! И, бьюсь об заклад, здесь русскому порту быть!

Глава 4

Камчатка

– Эт-то еще кто?! – Савва Стародубцев ткнул Лорку локтем. – Глянь-ка, Лаврентий Ксаверьевич, не знаком ли тебе оный фрукт? Ты у нас от самого Петербурха в экспедиции, всяких птиц заморских повидал. А уж этого, раз узрев, во-век не забудешь!

Лорка, уловив в густом бесе Саввы не только издевку, но и изумление, тоже прилип к узкому окошку.

А зрелище и в самом деле было необычайное.

По колону в непролазном снегу, выпавшем в одну ночь после вчерашней метели, с трудом вытягивая из него длинные худые ноги в высоких сапогах, шествовал на редкость несуразный человек с длинным немецким лицом, в очках и волочащейся за ним распахнутой камчадальской камлее¹⁶. Парик его был необычайно грязен, но замызганная косица все же топорщилась из-под пышной шапки в довершение к свисавшим на уши песцовым хвостам. В одной руке диковинный иноземец держал, точно скипетр, моржовый клык, а в другой – череп тюленя. За ним поспешал коренастый якут, обвешанный невероятным количеством различных шкурок и еще двое русских в кухлянках: в здешних местах камча-

¹⁶ Камлея – ительменская шуба до пят на оленьем меху.

дальская одежда из оленьей кожи наиболее удобна.

– А-а! – Лорка заулыбался. – Это же адъюнкт¹⁷ Стеллер!
Не думал я, что ему удастся нас догнать!

– Стало быть, знакомец! Кто таков?

– Преученый человек. – Лорке довелось столкнуться с оным адъюнктом всего раз несколько, но того и вправду не позабудешь. Еще больше ходило о диковинном немце разных слухов. – Из Петербурга его прислали земли наши изучать, да зверей всяких, да травы и деревья разные.

– Тьфу, разве ж можно за такой безделицей казенную деньгу растрачивать? – сплюнул Савва. – Жалованье-то немчуре, поди, изрядное положили.

Лорку, как всегда, резануло это «немчура». Пора бы уж вроде привыкнуть, а все звенело в ушах противное: «Немчура, немчура, уходи со двора!»

– Отец сказывал, в Петербурге ученым людям большой почет, – резко сказал он. – Потому как, прежде чем на большое дело идти, его со всех сторон обдумывать надобно. Вот и послали людей разных – одни по морскому делу обучены, другие горняцкому. Этот вот зверей и трав знаток.

– И к чему нам тут такой ученый дурень? Глянь какой дыхлец¹⁸, – в этих местах какой с него толк?

– Это как Иван Иванович разрешит. – Лорка раздраженно дернул плечом.

¹⁷ Адъюнкт – лицо, проходящее научную стажировку, помощник профессора.

¹⁸ Дыхлец (*стар.*) – тщедушный, болезненный человек.

О Стеллере много болтали разного, – что он-де, водки пьет много, зверей потрошит и шкуру с них живьем спускает. Но смешной этот нескладный человек, как и Овцын, отчего-то нравился Лорке.

Дверь без стука распахнулась. Адъютант Стеллер со товарищи ввалился в избу. Бесцеремонно, не стряхнув снега с сапог и полы, уселся на лавку и привалился к печи:

– Уф-ф! Хорошо-то как! – на чистом русском сказал он. По его лицу расплзалась довольная улыбка. – Нет ли у вас, люди добрые, чарочки усталым путникам поднести?

– Нету, – буркнул Савва, наблюдая за гостем исподлобья.

– Жаль, – не обращая никакого внимания на его недружелюбный тон, сказал Стеллер. – Эй, Федор! – обратился он к своему попутчику-якуту. – Ступай-ка командора разыщи да доложи по форме: так, мол, и так, в распоряжение его адъютанта Георга Стеллера поступил. А я покамест погреюсь малость. С самого Большерецка ноги как замерзли, да так и не оттаяли. – Стеллер вытянул длинные ноги в сапогах.

– Смотри, братец, как бы каблуки твои немецкие вместе с копытами не отвалились, – буркнул Савва.

Стеллер, нимало не обидевшись, расхохотался.

– Вот за что вашего русского брата люблю, так за прямоту! – отсмеявшись, сказал он. – Тому четвертый годок, как я покинул град Петров и в земли сибирские прикомандирован. Довелось хаживать маленько. В бытность в Иркутске в земли баргузинские с экспедицией ходили немало, а моро-

зец там, доложу я вам, нынешнего покрепче.

– Так уж и покрепче? – усомнился Савва. – Бывал я на Иркуте и на Обь ходил, да там такого нет. Здесь же до костей пробирает!

– Мороз морозу рознь, – назидательно подняв палец, сказал Стеллер. – А я делами служебными замеры делал. У большой воды меньше счисление выходит, хоть и так же кажется. Но коли мороз сухой, да ветра нет, телу-то приятней. А здесь с моря сквозит изрядно, потому и пробирает. А вон погляди на море. Бухта ото льда свободна вовсе, а на Байкале в это время лед уже в сажень.

– И то верно, – неохотно согласился Савва. Хоть и посверкивал он глазами на немца, но Лорка сразу понял, что тот ему пришелся по душе.

– А по какому делу к командору? – рискнул спросить осмелевший Лорка.

– По самому наиважнейшему, – гордо сказал Стеллер. – Поплыву я с командором проход из Азии в земли американские искать.

Сказал он это так, будто одного его и дожидались, и Савва с Лоркой прыснули.

– Хорошая у нас будет компания, герр¹⁹, – ухмыльнулся Савва. – С тобой не соскучишься.

– Неужто попутчика Бог послал! – Стеллер вскочил и принялся радостно трясти руку Саввы. – А это сынок твой?

¹⁹ *Herр* (нем.) – вежливое обращение, господин.

– Это юнга пакетбота «Святой Петр». Ксаверия Вакселя сын Лаврентий.

– Лейтенанта Вакселя? – Стеллер почесал лоб, откуда из-под шапки, которую он и не подумал снять, потекли уже струйки пота. – Постойте-ка, помню я Вакселева мальчонку. Белобрысый такой, шалун! Да как это ты так быстро вырос?

В его словах было столько искреннего изумления, что Лорка едва снова не прыснул.

В следующее мгновение Стеллер горячо тряс руку и ему.

– Стало быть, старый друг! А как русские говорят, старый друг лучше новых двух! Вот так удача!

Дверь снова распахнулась, и вернулся якут Федор.

– Господин Георгий, вас начальник Иван Иванович ожидать будет скоро и проводить к нему немедля велел.

– Иду, спешу! Ну, братцы, еще свидимся! – И вместе со своей примечательной свитой Стеллер удалился, что-то под нос бормоча.

– Ученый человек, немец, а поручкаться не зазнался, – заключил польщенный Савва. – Обрусел.

* * *

– ...И когда начинается ход горбуши, камчадалы роют в земле большие ямы, наваливают туда рыбу доверху, и там она гниет и киснет, – рассказывал Стеллер. – А потом в течение зимы превращается в нечто похожее на слизь, и сли-

зью этой кормят собак. Ежели же зимой открыть такую яму с кислой рыбой, от нее зловоние поднимается на четверть мили, не меньше. Хотя сами ительмены такую кислую рыбу едят не хуже собак, да и некоторые казаки, я видывал...

– Тьфу, прости Господи, – брезгливо сплюнул Савва.

– А те, кто желает лучше приготовить кислую рыбу, – кося лукавым глазом на Лорку, Стеллер возвысил голос, – чтобы она сохранялась в целом виде и меньше воняла, те кладут ее в ключи и прикрывают сверху камнями. Хотя при этом много зловония и уходит, однако ж остается еще столько, что при помощи его можно заставить, без пытки, любого европейца сознаться в чем угодно...

Лорка расхохотался, и Стеллер, довольный произведенным впечатлением, откинулся назад, раскачивая ногой в камчадальской гамаше.

Новоприбывший адъютант теперь частенько потчевал их такими вот историями. Лорка порой дивился, откуда они только у него берутся.

Непростой путь, однако же, прошел адъютант Его Императорского Величества Георг Стеллер, прежде чем волею судеб оказался здесь, в Петропавловском остроге. Уроженец Франкнии, после учебы в Виттенберге и Лейпциге, Стеллер переехал в Данциг, где был врачом. После взятия Данцига русскими сопровождал больных и раненых в Петербург, где и остался, приглянувшись за веселый нрав самому Феофану Прокоповичу. Однако не сиделось на теплом месте моло-

дому ученому. Заручившись рекомендацией Прокоповича к президенту Петербургской академии наук барону Корфу, в 1737 году адъютант отправился покорять Сибирь. С тех пор ему много где довелось побывать, однако ж и Лорка был не лыком шит: ведь Стеллер практически повторил тот путь, которым шли отряды экспедиций Беринга.

Потому подружились они крепко, несмотря на разницу в возрасте и положении. Впрочем, Стеллер был человек удивительный: чинов никаких не признавал, с камчадалами и ламутами был донельзя (по мнению некоторых) приветлив, а вот «в целях науки» мог быть спесив и занозист. В быту был непривередлив так, что бывалые мужики диву давались: ел что дают, включая сомнительные камчадалские лакомства, а коли случалось кашеварить самому (а тому искусству в нынешних условиях каждый был обучен), попросту бросал все съестное, что находил, в один котел, варил основательно и поглощал без разбору. А если к тому и водочки доводилось испить, становился разговорчив и добродушен. Впрочем, случалось ему и разойтись – и тогда начальство, мешавшее ему в научных изысканиях, вплоть до академиков Санкт-Петербургских, поносил он с таким смаком, что, как говаривал Савва, «любо-дорого ухи погреть».

С офицерами из штаба Беринга, впрочем, Стеллер не сошелся, несмотря на то, что и обликом своим, и манерами все же выделялся над простыми людьми, да и присвоенное Берингом звание судового врача, казалось бы, должно бы-

ло оному сближению способствовать. Видимо, все-таки был для них Стеллер слишком странен, а пристрастие его к вещам несущественным – скажем, камчатским насекомым или камчадальским сказкам, – делало его в глазах многих «не от мира сего».

Лорке, однако, было чудно и интересно узнавать от причудливого немца всякие истории, а знал Стеллер столько, что и на троих бы хватило. Савва Стародубцев тоже оказался из любопытных, крепко сдружился с ученым, и теперь много свободного времени они проводили втроем. Чаще всего Стеллер с Саввой спорили, а Лорка слушал:

– Медведя олюторские коряки ловят чудно, – заводил историю Стеллер. – Найдут кривое дерево, да на него вешают приманку с петлей навроче дыбы. Медведь, завидя приманку, на дерево залезет и в петлю попадет, да так и удавится.

– Бабы сказки! – кривился Савва. – С ружьем или стрелами на медведя – это можно. С берлоги собаками поднять – так я сам хаживал, и непростое это дело, доложу я вам. Я-то с ружьем, а вот мужики под Красноярском, случалось, и по старинке, на рогатину подымали. Силища тут нужна агроменная! Но поймать медведя в силок, как зайца, – это, герр, тебе турусы развели...²⁰

– Ты, Савва, здешнего медведя видел? А? Отвечай! – кипятился Стеллер. – А он тут от сибирского наотличку, уж ты мне поверь. И нравом боязливей, и поменьше. А по дере-

²⁰ Развести турусы (*стар.*) – обмануть.

вьям лазать мастак!

– Ну-ну, – хмыкал Савва. – Бывалый ты человек, я посмотрю. Однако ж, я думаю, вряд ли в одиночку на своего пугливого медведя пойдешь.

– Не пойду, – ничуть не обидевшись, засмеялся Стеллер. – Сказывают, что здешние медведи, хоть и пугливы, а на одиноких путников напасть могут. Даже костер им не помеха. Казаки бают, случилось им видеть, как медведь, чтобы к костру подобраться, вначале в воду залезал, а потом в таком мокром виде на костер шел и тушил его!

– Это ты, герр, снова врешь, – качал головой Савва. – Потапыч, хоть и хитер, а все ж зверье неразумное!

– Христом Богом клянусь – от людей сведущих да не речистых слыхивал! – широко перекрестился Стеллер.

– Ну, раз так, тут должно, без колдовства ихнего языческого не обошлось. – Савва тоже перекрестился. – В здешних краях это сплошь и рядом. Шаманят, камлают то бишь и якуты, и ламуты. Иногда жуть берет – сколько раз слыхивал, что-де, шаманы-то и кровь младенческую пьют, и девиц умыкают...

– Здешние, ительменские, не таковы, – задумчиво сказал Стеллер. – Здесь, можно сказать, к шаманам мало почету. В Большерецке случилось пару раз шаманов видывать – они вместе с остальными и ясак²¹ платили, и на охоту ходили. Разве что на охоту их стараются брать, – вроде как на удачу.

²¹ Ясак – дань с коренного населения Сибири.

Бабы здешние и вовсе камлают часто – много среди них лекарок да повитух.

– Эхма, темнота, – вздохнул Савва. – Там и гибнут в невежестве языческом. . .

– Шаманы их считаются токмо за посредника, – продолжал Стеллер. – Это все равно как вестового к ихнему идолу отправить.

– Главное – что в письме, а не кто его принес, что ли?

– Не так. Главное – это сколько людей за больного, скажем, помолиться пришло. Камчадалу далеко от селищ своих не ходят, слыхал?

– Слыхал! – кивнул Савва. – Все так говорят. Чудные люди.

– А вот потому и не ходят! – Стеллер назидательно поднял указательный палец. – Это чтоб далеко от становища не оказаться. Придет беда, случится что – сразу домой мчат. Там все вокруг больного или раненого в кружок соберутся и шаманку кликнут. Вот шаманка попрыгает кругом, идолам покричит: вот-де, сколько народу собралось, просим тебя покорно за такого-то и такого-то! Потому чем больше народу просит, тем колдовство считается вернее!

– Темнота! – махнул рукой Савва.

– А может, и есть в том зернь разумного, – задумчиво сказал Стеллер. – Взять, скажем, веру христианскую. Разве ж не тем монашество сильно, что за нас, грешных, Господа нашего о покаянии молит?!

– Типун тебе на язык, герр! – вскинулся Савва. – Это ж какое сравнение провел, нечестивец! Разве ж можно сравнить Господа нашего Иисуса Христа с поганым идолом камчадальским?

– А я и не их сравниваю, – рассеянно сказал Стеллер. – Сравниваю я то, что чужая мысль и молитва может человека в беде укрепить. Камчадальская вера, стало быть, сродственных уз требует, а христианскою молитвой можно и человека незнакомого, и далекого выручить.

– Истинно так, – важно кивнул Савва. – Камчадальское идолопоклонство суть сплошное заблуждение! Однакось церкву новую в Петропавловском остроге заложили уже, к Пасхе уж, я чаю, освятят. Покрестят скоро – и забудут свою дремучую ересь, как миленькие.

– Да я не о том, Савва, – раздраженно отмахнулся Стеллер. Он явно продолжал додумывать какую-то свою мысль, морщил лоб в мучительном усилии. – Я вот думаю, в чем же тут разность? Случается и камчадалам чудом Господним токмо людей лечить. Как-то стрелец наш в одного из них, не в меру любопытного, по осени пищаль разрядил. Осколком тому кровь отворило, фонтаном шла. Раны такие я в Данциге видывал, люди кровью истекают моментом. Так вот, сам я видел, как сели оне в круг вокруг своего истекающего кровью собрата. И, – Господом клянусь, – кровь у того течь перестала. Они, значит, рану мхом приложили, а наутро на месте том ни следа воспаления не осталось, сукровица одна.

Через три дня камчадалы с места снялись, – пошли в свое становище, – и раненый тот ушел с ними на своих двоих!

– Колдовство! – присвистнул Савва.

– Может, и впрямь колдовство, – согласился Стеллер. – А, может, дело-то как раз в любви человеческой, коя нас, людей, от зверья и отличает. Может, это она-то столь угодна Господу, что, узрев ее в самых последних поганых язычниках, он и им свою милость являет?

Лицо его раздумянилось, глаза загорелись.

– Тебе, герр, с такими-то речами токмо на паперть проповеди читать, – хмыкнул Савва. – Ужо как складно выходит, а, Лорка!

Лорка только кивнул. Он с трудом поспевал за ходом мыслей Стеллера, да и все эти рассуждения, признаться, его не слишком волновали.

– Ты, Савва, не смейся, – сурово сказал Стиеллер. – Правя или нет, а вот ты скажи: хотелось бы тебе в свой смертный час, чтобы за душу твою все, кто тебя знает и знал, разом помолились?

Савва посерьезнел, опустил голову:

– А как же... От того душа легка-легка становится, аки перышко, от грехов освобождается и прямо к Царице Небесной на колени летит...

– Вот то-то, – удовлетворенный ответом, кивнул Стеллер. – Значит это, что дело все же не токмо в вере твоей. Друг ли, мать ли, жена, – кто мы без наших близких, без уз

любви нашей? И в узах тех, разумею я, есть сила магическая.

– Господь с тобою, – замахал руками Савва. – Эдак договоришься до козней дьявольских! С чего взял?

– А с того взял, что и у камчадалов-язычников, и у нас, грешных, ближними заботами да молитвами чудеса нет-нет, да и происходят. Не все о том говорить любят, но ежели посмотреть, так и с каждым такое случалось. Вот скажи-ка мне, Лоренц Ваксель, – с тобой чудо через любовь да молитву ближнего случалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.